

Андрей Николаевич Ларионов
Широко шагая

Андрей Ларионов

Широко шагая

«Издательские решения»

Ларионов А. Н.

Широко шагая / А. Н. Ларионов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856333-1

«„Широко шагая“ — сборник рассказов о жизни реальных людей, а также истории о прошлом, настоящем и будущем. Кроме того, в этот сборник добавлены рассказы из сказаний, чтобы сделать эту книгу более интересной и насыщенной. Приятного чтения», — Ларионов А. Н.

ISBN 978-5-44-856333-1

© Ларионов А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Рассвет, весна, свобода	6
Человек дождя	8
Фортуна удачи	11
Глава 1. Район ветхого жилья	12
Глава 2. Улица начинается там...	14
Глава 3. Участок	16
Глава 4. Мальчик на кирпичках	17
Глава 5. Бойкая торговля	18
Эпилог	19
Танец под солнцем	20
Широко шагаю	22
Вспышка	28
Огонь в глазах	31
Ёлки-палки	33
Югославия	35
Билет на родину	37
Победитель 65-летней давности	40
Пепел души: Осень любви	43
Она снилась ему во снах	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Широко шагая

Андрей Николаевич Ларионов

© Андрей Николаевич Ларионов, 2017

ISBN 978-5-4485-6333-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассвет, весна, свобода

«Теплый ветер свободы мне в лицо подул,
С надеждою на завтра в этот новый мир шагнул я,
Знал отлично все по-другому на свободе»

(Из песни группы «Многоточные»).

Март 1981 год. Теперь он действительно свободен. Да, это не сон! От этих мыслей становится светлей и веселей. Сердце упоенно бьется, совсем как раньше, сжимается от радости. Теплые слезы текут по грязному лицу, по густой щетине, оставляя на впалых щеках светлые полосы, а он стоит и смотрит в небо, пробивающееся через кроны стройных сосен. Мартовский воздух свеж и даже холоден. Где-то на востоке разгорается рассвет, заполняя светлеющее небо алым светом. Кажется, что это огромный пожар, который охватил полнеба, застыл или уснул. Редкие облачка, как языки пламени изогнулись в причудливых формах. Только в тайге еще царит сумрак. Сосны плотно прижались друг к другу, их темные сине-зеленные очертания разорвали рассвет. Темнота под кроной леса накрыла собой, как покрывалом, белый снег, следы и кровь беглеца на снегу.

Кажется, все страшное позади: зона, побег, погоня. Теперь он один в этом лесу, наслаждается тишиной и красотой. В руках мужчина сжимает затертую черно-белую фотографию. Там три улыбающихся лица, таких родных и близких его сердцу. Горло опять сжимается, слезы снова наворачиваются на глаза. Фотография 1976 года – это было так давно, в прошлой жизни, когда он был свободен. Огрубевшими пальцами мужчина поглаживает лица на фотокарточке. Мысли опять его уносятся в прошлое. В такой тишине думается о доме. Как он давно не был там! Видел его в своих непродолжительных снах, видел своих близких. Они были все вместе опять. Да, он знал, что будет опять вместе с ними, теперь он не на зоне. Свободен! С чувством счастья и ощущением начала новой весны он глотает холодный утренний воздух.

Скоро он будет дома, нужно только немного отдохнуть. Рана на ноге еще ноет, но кровь уже запеклась, осталось лишь багровое пятно на тюремных штанах. Тишину тайги нарушает собачий лай. Это опять погоня! Нужно бежать, иначе найдут. Преследователи неумолимо ищут его даже здесь, в тайге. Беглец медленно поднимается с пенька, с подтаявшей снежной шапкой. Он ковыляет вперед, по мартовскому твердому насту, временами проваливаясь по колено. В голове мелькают серые воспоминания будней на зоне: люди в форме, злые собаки, ожесточенные лица зеков, кордон, тщательный шмон, колючие заграждения, серые и грязные постройки зоны и низкое зимнее небо. Нет, он не хочет этого видеть вновь. Пришло время весны, свободы. Где-то впереди слышится шум машин, проезжавших по трассе. Именно туда стремится человек, там дорога. Дорога домой! В левом кармане мужчина сжимает старый ржавый нож с тупым лезвием. Он не даст себя так просто взять, будет бороться за свободу до последнего вдоха. Но это на худший вариант, если его все же настигнут преследователи.

Лес поредел, высокие стройные и немного угрюмые сосны остались позади. Впереди чернеют очертания голых берез, а за ними трасса. Снег растаял там, и дорога выделялась темной грязной полосой на белых просторах снегов и молчаливого леса. Машины, проезжавшие по ней, кажутся маленькими движущимися точками. Мужчина упорно ковыляет туда, вперед. Он надеется, верит, что доберется до дома. Позади опять слышится лай собак, доносится человеческая речь. Шапка у беглеца сползла на бок, по лбу течет пот. Снег попадает ему в обувь и тут же тает. Жарко, но он не сбавляет темпа, ломает твердую кромку льда. Прикладывая все свои усилия, человек стремится к дороге, которая словно манит его, уходит куда-то за горизонт. Мысли только о доме, о близких. Нога опять заболела, но это так неважно сейчас. Главное вырваться домой, а там все уладится...

Рассвет разгорается все ярче и ярче, заливая небо удивительными цветами, словно какой-то художник размазал по небосводу акварельные краски. Последние розовые облака уходят за горизонт, покидая небо. Весеннее сибирское утро обещает быть теплым и ласковым, не таким, какой была зима. Деревья стоят неподвижно, замерли в ожидании теплых лучей солнца. Они тоже чувствуют, что пришел рассвет, весна. Но снег еще искриться, хотя он уже не такой белоснежный, как раньше, особенно около магистралей.

Все, мужчина на дороге, с радостью он ощущает под ногами твердую опору. На дороге лишь растаявшая смесь грязи со снегом. Человек бежит, сердце бьется учащенно, сильно, словно хочет вырваться наружу. Все как во сне. Такие сны он видел на зоне в глухие морозные ночи, когда выюга бесчинствовала за окнами, и деревья близ расположенного леса тревожно гудели и стонали. И лишь когда мужчина просыпался, ощущал удушающий воздух тюремного барака, слышал похрапывания других заключенных, видел почерневший от времени потолок, то понимал, что это был лишь сон. Тогда он сильно сжимал ножку нар, бесцельно смотрел в темноту. Но сейчас это был не сон. Он действительно может стать свободным сейчас.

Множество силуэтов людей с собаками появляются на опушке леса, они бегут за ним, пытаются догнать его. Человек верит, что им не догнать, потому что он уже свободен. Массивный грузовик «Урал» забрызганный грязью, несется по дороге, беглец бежит навстречу ему, машет руками. Он улыбается, по грязной щетине текут слезы. Водитель сигналист, но сбавляет ход. В конце концов, останавливается, видя настойчивость человека.

«Вези меня братишка домой!» – кричит он хриплым голосом испуганному шоферу, через раскрытую дверь.

«Что?!» – не понимает его водитель, мужчина лет тридцати со светлыми волосами, полноватым лицом.

«Все я свободен! Вези домой! Поехали!» – возбужденно кричит беглец. В его голосе нет ноток угроз и страха. Он счастлив. Непродолжительная пауза. Водитель оценивающе смотрит на непрошенного попутчика.

– Ладно, поехали. Дверь закрой, – с неохотой говорит шофер. В его глаза виден страх.

– Спасибо, тебе братишка! Отблагодарю, помогу тебе, чем смогу...

Преследователи уже совсем близко. Некоторые люди в форме с собаками окружают машину. Одиночный выстрел разрывает покой рассвета, а затем еще один. Через незакрытую дверь «Урала» медленно появляется силуэт мужчины в хлопчатобумажной старенькой телогрейке. Он вываливается из машины, падает на грязный снег. Лицо его обращено вверх. Кровь смешивается с дорожной грязью. На небритом изнеможенном лице заключенного еще виден отпечаток радости. Глаза смотрят куда-то сквозь кордонный лес, разорвав рассвет, устремлены в синеву неба. Последняя слеза стекает по небритой щеке. Правая рука сжимает небольшую черно-белую фотографию. С бледных губ с последним вздохом слетают слова: «Все, свобода». Теперь он по-настоящему свободен. Свободен от этой жизни.

Мартовское сибирское небо кажется неизмеримо высоким и далеким, таящим в себе что-то неуловимое и прекрасное, что заставляет подолгу всматриваться в него. Рассвет набирает силу. Кровавый диск отрывается от горизонта, озаряет молчаливый лес, снежные просторы, отражающие в себе красоту солнечных лучей. Воздух наполнен запахами новой весны. Весна заставляет биться сердце быстрее, смотреть на мир по-новому. Даже дышится легко весной. С упоением вдыхаешь значительно потеплевший после суровой зимы воздух и понимаешь, что это и есть свобода.

Рассвет, весна, свобода...

(2006).

Человек дождя

«Дождь – атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды»

(Толковый словарь).

Утро.

Однообразный и монотонный дождь льет с самого утра. Небо серое, затянутое однородной массой туч, медленнодвигающихся в высоте. Пронизывающий холод и сырость заставляли прохожих ежиться, поднимать воротники своих плащей и курток. На дорогах только лужи и слякоть. Грязные легковушки, автобусы и грузовики проносятся по дорогам города.

Именно в этот день с ним произойдет то, что полностью изменит его представление о мире, о самом себе, об окружающих, но пока молодой человек об этом даже не догадывается. Он стоит на остановке, ожидает автобуса. Смотрит то на невзрачный низкий небосвод, то на лужи, пузырящиеся под каплями дождя. Настроение у него, если честно, не очень, даже ужасное, как и сегодняшняя погода. Кажется, в душе льет тот же самый тоскливый и беспросветный дождь. Серые мысли мелькают в голове у Владимира. «Любит или не любит?» – задает он сам себе вопрос. И ответ всегда неизменен: «Нет».

Из-за поворота выезжает зеленого цвета новенький ЛИАЗ. Автобус останавливается на остановке. Молодой человек заходит и почти машинально показывает кондуктору проездной билет, садится на сиденье. Автобус почти пустой. Кроме него, еще трое пассажиров сидят, смотрят в запотевшие окна автобуса.

Красный цвет светофора останавливает автобус на перекрестке. Парень бесцельно смотрит в окно. Знакомый силуэт девушки пересекает дорогу. Глаза молодого человека оживляются, он наблюдает за ней, смотрит, как она уже поднимается по ступенькам и скрывается за дверями небольшой конторы. Опять на сердце тоска и холод. Автобус трогается с места, начинает поворачивать, затем останавливается. Двери плавно открываются, за ними видна унылая картина. Залитый огромной лужей участок дороги, одиноко стоящая старушка, прячущаяся от холодного дождя под навесом остановки. Это его остановка, пора выходить. С неохотой покидая, теплое насиженное место, молодой человек выскакивает на улицу. Смотрит почему-то вверх, на небо. Там только серое небо и ничего больше. Как он хочет увидеть сейчас чистое небо, хотя бы клочок. Сильный порыв ветра заставил его придержать свою кепку. Вот, наконец, малюсенький кусочек синего неба появляется среди серой массы облаков. Человек идет дальше.

Владимир поднимается по ступенькам вверх, открывает дверь той же самой конторы, в которую пару минут назад направлялась девушка в белом. Приветливый вахтер улыбается и здоровается. Молодой человек отвечает, берет ключ от своего кабинета и поднимается на четвертый этаж. Только сейчас он замечает, что его плащ пахнет озоном. Подходит к двери своего кабинета, соседний кабинет открыт уже. Там она. Долго возится с ключами, он пытается открыть дверь. Старается не шуметь, но это плохо получается. Слышится стук каблучков, из соседнего кабинета появляется Линда. Такая красивая, одетая в легкую белую блузку, мини-юбку она непродолжительно смотрит на него, быстро говорит: «Привет. Не открывается дверь?». Он неуверенно отвечает на ее приветствие и вопрос. Девушка грациозно уходит куда-то по темному коридору. Тусклый свет в конце длинного коридора, вычерчивает ее силуэт. Он на какой-то момент перестает пытаться открыть дверь, смотрит ей вслед. Тяжелый вздох невольно вырывается из его груди.

Когда дверь все же открывается, он почти бегом врывается в кабинет. Небрежно вешает свой плащ на вешалку. Включает компьютер, садится в кресло с каким-то облегчением. Смотрит

рит, как загружается операционная система. Думает о Линде. Конечно, это может показаться кому-то глупо и наивно, но только не для него. Он почти по-детски любит ее, боготворит в душе.

Нужно найти какой-то предлог, чтобы позвать ее к себе в кабинет. «Спросить о чем-нибудь, что она хорошо знает. Может что-нибудь по работе?» – Владимир встает, стоит в раздумьях некоторое время. Решив для себя, направляется в ее кабинет, дергает металлическую ручку двери на себя. За открытой дверью видит ее, она сидит за офисным столом, устремив свой взгляд на вошедшего Владимира. Светлые локоны волос закрывают часть ее лица. Она внимательно смотрит на него.

– Ты что-то хотел спросить?

– Да.

Вечер.

...Он стоит у окна, смотрит на улицу. Там кружится и падает белый снег. Это первый снег. Небо выглядит серым и однородным. Зима торопиться прийти в этом году, накрывает этот мир своим белым покрывалом. Через форточку человек ощущает дыхание слабого ветерка. Воздух на улице сырой и свежий, но пока еще не морозный.

Молодой человек наблюдает за одиноким силуэтом девушки в белом плаще. Она неподвижно стоит на автобусной остановке, скрестив руки, держит маленькую кожаную сумочку. Временами снег сливается с ней, превращается в плотную белесую пелену. Изредка по дороге проезжают машины, озаряя грязную дорогу фарами, разгоняя сгущающийся сумрак. А Владимир смотрит только на нее. Смотрит, как играет с ее длинными светлыми волосами ветер. Линда их постоянно поправляет, на ее лице читается легкое недовольство. Это милое лицо, он может разглядеть даже через окна конторы.

Подъезжает микроавтобус, останавливается на остановке. Задние фары загораются красным, размазанным в сумраке светом. Он ждет, когда автобус уедет, чтобы вновь увидеть одинокий силуэт девушки. Но, увы, там уже никого нет. Только пустая крашенная в зеленый цвет остановка, листок газеты, гонимый ветром пересекает дорогу, залетает на скамью остановки. Светофор смотрит в темноту города рубиновым глазом.

На душе становится тоскливо и печально. Окно слегка запотело, и в сумрак комнаты льется тусклый вечерний серый свет. Новенький светло-коричневый стол, пара шкафов с книгами, вешалка с одиноко висевшей курткой молодого человека, отбрасывают неясные смазанные тени по комнате. Темнота выбирается из укромных мест, заполняет комнату. Человек смотрит в окно, думает о ней. В комнате еще висит нежный запах духов.

Непонятное чувство разливается по телу, обжигает его, заставляет сердце биться сильнее. Тело теряет свою весомость, его сознание словно начинает разбиваться на тысячи маленьких кусочков, растекается в пространстве. А душа рвется на улицу, вслед уже уехавшему автобусу. Он понимает, что не нужен ей. В ее глазах молодой человек читает только холод и равнодушие. И ничего больше. Да, это так, но что же делать ему?! Его сердце горит, мысли только о ней. Жизнь теряет смысл без нее. Когда он смотрит в ее темные выразительные глаза, то видит целый мир, отражающийся в ее глазах. Эта девушка для него как целый мир. Мир счастья, любви и спокойствия. Рядом с ней мысли текут спокойно, думается о простом, человеческом счастье. Ведь не нужно так много для счастья. Но нет, это все невозможно без нее. Линда не с ним...

Владимир молча накидывает свой плащ. Долго возится опять с ключами, пытается закрыть эту чертову дверь. Идет по темному коридору. На какой-то момент он останавливается, смотрит в далекое окно в конце коридора. Теперь молодой человек понимает, чего хочет

сейчас. Он хочет стать дождем. Одного только этого желания достаточно для этого. Тело человека медленно растворяется в сумраке коридора, сознание переносится на улицу. Теперь он становится просто дождем. Каплями, срываясь вниз, он смешивается со снегом, отражает свет машинных фар, сияющих цепочками в темноте фонарей, стучится в окно с уютным светом, где живет она. Но Линда этого не слышит. Девушка дома не одна. Она сидит на теплом и удобном диване, ее обнимает другой человек...

Небо темнеет. Снег опять становится дождем, обращая новое белое покрывало земли в грязный темный цвет. Опять лужи и слякоть на дорогах. Ветер шепчет песню о человеке-дожде, который смешивается со стихией, устремляется в высоту темных небес, для того чтобы сорваться с высоты вниз вновь и вновь. И это прекрасное ощущение, ощущение свободы, полета. Воздух напитан сыростью и слезами человека дождя.

(2006).

Фортуна удачи

«Боги улиц, я не слышу ваши голоса! Вместе мы,
Изменить этот мир – вот наша судьба
Скажи мне – ДА!!!»

(Из песни группы «Многоточие»)

Глава 1. Район ветхого жилья

Вечер пришел незаметно. Небо потемнело, дневной зной сменился прохладой, наполненный ароматами сирени. Сумрак накрыл все: высокие деревья, кривые пыльные улочки, серые бревенчатые двухэтажные бараки. В больших зашторенных окнах домов стал загораться уютный свет ламп. Безлюдные улицы выглядели пустынными и заброшенными, лишь по человеческим голосам, доносившимся из открытых форточек бараков, можно было понять, что здесь живут люди.

Это был район ветхого жилья. Почерневшие от времени двухэтажки больше напоминают поместья Дракулы, которые дополняют общий неутешительный пейзаж. Это и разбитые машины на обочине дороги, и внушительных размеров свалка, и уродливые трубы теплотрассы, которые стали, еще одним «фирменным» знаком этого района, и руины какого-то кирпичного здания, которое, по всей видимости, сгорело. Местные уже растащили добрую половину этого здания, оставив после себя битые кирпичи, пивные банки и многочисленные окурки. Хотя здесь бывают не только добытчики бесплатного кирпича, когда ночь опускается на город, здесь часто собираются подростки. Они очень любят побегать по развалинам сгоревшего промышленного здания, играют в карты, пьют пиво, курят. Иногда сюда приходят наркоманы. Их голоса разносятся по всему району, вызывая недовольство и страх у людей старших поколений. Одинокое прохожие испуганно шарахаются от угрожающего скопления силуэтов юнцов. Жители спешат закрыть свои окна, форточки, чтоб не слышать громких матерных криков. И когда, какая-нибудь бабка звонит в милицию, здесь по-настоящему становится жарко. Ментовская машина приезжает, разгоняя тьму мигалками. Менты не церемонятся с этими трудными подростками. Ловят всех, кто попадется им под руку. А затем этих незадачливых ночных искателей приключений ждет камера в участке, нередко и побои в отделении милиции.

И сейчас тьма выползала из самых потаенных уголков, где она пряталась, когда было время света. Первые силуэты парней, девушек начали появляться на дорогах этого забытого Богом места. Они балагурят, смеются, отпускают грязные шутки. Эти ребята уверены в себе, однако страх тоже посещает их сердца. Довольно часто происходят столкновения с другими подростками, которые живут по другую сторону трассы. Трасса разделила здесь район на два незримых лагеря. Драки происходят в местах тусовки: на баскетбольной площадке, в развалинах предприятий, на теплотрассах. Особую опасность представляет здесь также цыгане, которых очень много в этом районе. Они живут целыми кланами, торгуют наркотиками, нередко конфликтуют с русскими парнями. Иногда эти конфликты перерастают в драки, кровавые расправы, когда в сумраке встречаются толпы молодых наглых цыган с группой агрессивно настроенных молодчиков.

Наркоманов здесь никто не любит. Их часто избивают до полусмерти и цыгане, и группировки трудных подростков. Менты тоже часто гоняются за наркоманами, ловят их буквально повсюду, бегают за ними с автоматами, а потом, наверно, с удовлетворением в сердце составляют очередной протокол о проделанной работе. Ловят, отпускают и опять их ловят. Борются со следствием этой страшной болезни общества, не трогая и даже помогая причине этой болезни – наркоторговле. Милицейские машины можно увидеть около домов цыганских наркоманов, когда хранители порядка устраивают у них в домах обыски, ищут улики, с тем чтобы «шефствовать» над ними впоследствии, собирать налоги с торговцев. Темная игра силовиков известна многим жителям этого района, но все боятся за себя, сознательно закрывают глаза на этот беспредел, знают, что за всем этим стоят более высокие структуры, которые наживаются от продажи отравы.

Летняя ночь наполняется удалыми криками парней, визгом девушек. Луна встала из-за маленького лесочка, который вплотную подступил к крайнему барaku. Стало светлей. Отчет-

ливо видны силуэты ребят. Сейчас они расположились на детских каруселях. Одиноким пьяненький мужичок возвращается домой нетвердой походкой. Парни сразу заметили в нем еще одну жертву, решительно направляются к нему.

– Батя, есть закутить? – начинает один небрежно.

Мужик испуганно хлопает себя по карманам.

– Нету, кончились. Последнюю сам просил..., – извиняется он заплетающимся голосом.

– Ты чё гонишь! А деньги есть? – нагло напирал на него другой парень со светло-русыми волосами.

– Нет. Все я пойду, – мужик несмело пытается пройти мимо скопившихся ребят.

– Ты куда собрался? Гони бабки! Я тебе говорю, урод, – переходит к оскорблениям бритоголовый, накаченный парень.

Резкий толчок в грудь отбрасывает мужика назад. Тот испуганно переминается с ноги на ногу.

– Да вы чего, ребята. Нету денег, правда, – выворачивая карманы, доказывает он им правдивость слов.

– Игорь хватит, отпустите его, – начинает ярко накрашенная девушка, которая подошла к ребятам недавно.

– Ну, пускай идет, что он вам сделал, – заступает другая девушка.

– Ладно, пошлите, он беден как крестьянин, – пошутил Саня, отзывая ребят к качелям.

Толпа ребят удаляется. Мужичок тоже спешит покинуть эту освещенную одним единственным фонарем улицу, скрывается в летней темноте. И, наверно, его женушка дома переживает, ждет его непутевого, смотрит в темное окно, прислушивается к громким крикам ночных авантюристов.

Эта ночь дышит сиренью, едва уловимый ветер разносит этой приятный терпкий запах по всему району. Луна скрылась за небольшим облачком. Сибирское небо усыпано многочисленными звездами, которые смотрят в этот темный мир своим далеким светом. Сейчас их свет не заглушаем сиянием ночного светила.

Где-то в кустах сверчат сверчки, их песня наполняет ночь звуками природы, и только шум редко мчащихся по трассе машин, на непродолжительное время заглушал все остальные.

Глава 2. Улица начинается там...

Одинокий фонарь разгонял темноту, привлекая к себе орды насекомых, которые летели на свет, кружась. Длинные тени отбрасывали далеко стоящие предметы. Под фонарем – старый трактор деды Вени, как огромный исполин замер, его круглые фары печально смотрят куда-то вперед.

Алексей в этот поздний час приехал с девушкой из центра города. Днем они гуляли по городу, вечером пошли в кино. Сейчас он провожал ее домой.

– Это был замечательный день, – ласково шепнула Ирочка ему на ухо.

– Да, мне тоже понравилось. Все было просто супер. Можно в следующий раз сходить на природу или на речку.

– Хорошая мысль! – девушка от восторга даже подпрыгнула и засмеялась.

Постепенно длинные тени влюбленной парочки стали отчетливы, стали укорачиваться. Фонарь манил их к себе. Начинаясь светлый участок улицы.

– Прекрасный вечер, да?! – ища в глазах Алексея поддержки, спросила Ира.

– Да, и ты тоже сегодня такая прекрасная, – парень поцеловал ее в шею.

– Прекрати, щекотно, – кокетливо засмеялась она в ответ.

Вдруг из темноты донеслись пьяные голоса.

– Эй, стойте... – послышался мужской окрик.

– Ты слышал? – испуганно спросила Ира.

– Гуляют опять по ночам... – ответил Алексей, вглядываясь в темноту.

Два силуэта приближались к ним.

– Алеша, мне страшно!..

– Не бойся, – ответил парень.

С каждым шагом они сближались с двумя незнакомцами. Алексей был полон решимости. Руки уже сжаты в кулаки.

– Слышь, парень, сколько времени? – пристает светлый парень, нагло разглядывая девушку.

– Полдвенадцатого, – спокойно отвечает Алексей.

– Прикольные часы, дай погонять – продолжает второй незнакомец.

– Нет, не могу. Подарок отца...

– Да ты че?! А курить есть? – допытывается опять первый.

– Он не курит, – отвечает за своего парня девушка, увлекая Алексея за собой.

– Э, э. подождите. А как Вас зовут, девушка? – начинает приставать парень в майке и в грязных неопределенного цвета штанах.

Из темноты появились еще два силуэта, они приближаются к месту заварушки. На душе Алексея появилось тревожное ощущение или даже предчувствие беды, хотя внешнее равнодушие и даже безразличие парня никоим образом не выдавало его волнения. Дело принимало серьезный оборот. Если бы он был один, ему было бы легче, но с ним была Ира. Ее красивое личико было испуганным.

– Ира, – тихо ответила на вопрос светловолосого парня девушка.

– Ира пошли с нами, погуляем, – хватая за руку, продолжил незнакомец.

– Убери свои руки! – разозлился Алексей, оттолкнув его.

Парни переглянулись между собой. Ухмылка пробежала по лицу одного из них.

– Ты что-то сказал? – презрительно спросил бритоголовый парень крепкого телосложения.

– Не трогайте ее.

– Ты еще здесь?! Ты крутой что ли?! Вали отсюда, пока не получил, – сказал первый парень. Мат полился рекой.

К ним подошли еще парень и девушка. Они с интересом разглядывали влюбленную парочку, гуляющую в ночи.

– Ты на той стороне трассы живешь, где теплостанция? – вдруг спросил подошедший парень.

– Да, там, – кратко ответил Алексей.

– А че тут шарахаешься? – зло продолжил светловолосый парень.

– Провожаю девушку.

Опять длинная цепочка замысловатого мата раздалась в ночи.

В руках одного из парней арматура.

– Оставь этого сопляка, пошли с нами – зовет девушку бритоголовый, но она только плотней прижалась к своему молодому человеку.

Первый удар пришелся по левому плечу. Алексея атаковал светловолосый парень.

– Чё смотришь. Еще получить захотел...

– Да пошел ты, – сказал Алексей.

Начинается неравная драка: трое против одного. Девушки пытаются разнять дерущихся парней, но этого уже не остановить. Сильный удар оглушает Алексея, в глазах на какое-то время темнеет. Ира что-то кричит ему, но он ее не слышит. Тяжело дышит, смотрит вперед на расплывчатые силуэты врагов. Один из них приближается к нему опять. Алексей наносит слепой удар правой рукой, ощущает, как брызнула кровь из носа противника. Черный мат. Парень в майке со светлыми волосами с разбегу пинает, пытается опрокинуть одиночку. Алексей уклоняется, удар задел его лишь вскользь.

«За тобой», – кричит Ира, видя, как со спины к нему заходит бритоголовый парень с железкой в руках.

– Мусора едут, – крикнул кто-то, прибежавший из темноты, в самый разгар драки.

Урчание УАЗика уже было рядом. Огни ментовской машины разгоняли тьму улицы. Драка не прекращалась. Алексей ощутил острую боль, холодный металл на своем теле. Ребро отдалось жуткой болью. Он попятится, чтобы не потерять равновесие.

– Урод недоделанный! – Кричал в лицо ему парень в майке.

Еще один удар, уже по ногам Алексея, и он упал на дорогу, сильно оцарапав руки при падении. Менты увидев ночную драку, уже затормозили свою машину и бежали к ним.

– Уходим, – крикнул остальным бритоголовый парень.

Но уйти им не удалось. Люди, в погонах настигнув их и побив резиновыми дубинками, посадили в машину. Затем туда же поместили и Алексея, Иру и незнакомую девушку. Когда Алексей садился в УАЗ, то заметил, как из темноты за ними наблюдают остальные ребята.

Машина резко трогается вперед, разгоняя тьму, везет их в участок.

– Доигрались, – язвит мент.

Все ребята молчали.

Глава 3. Участок

Дневной свет. Участок изнутри выглядел также непривлекательно, как и снаружи. Нижняя половина стен была окрашена в зеленый неприятный свет, верхняя была просто побелена. Запах алкоголя. На сиденье сидел пьяненький усатый мужичок, что-то непонятное бормотал и кричал. Его жена пыталась его утихомирить жестами и что-то объясняла дежурному. Бедная одежда, говорила о том, что она также живет здесь в районе ветхого жилья.

Жмурясь от яркого света, все ребята как один, проследовали за милиционером в кабинет.
– Ждите, дежурного.

Одинокое стоящий стол, стулья со спинками, ожидали новых гостей участка. Все сели. Молчали. Алексей посмотрел на Иру, та выглядела неважно, конечно, она совсем не ожидала, что их романтическая прогулка по городу так закончиться. Ребро Алексея по-прежнему сильно болело. Под левым глазом светился синяк.

– Ну что будем рассказывать, что там у вас произошло? – начал милиционер в синей рубашке. Вдруг его взгляд остановился на Алексее. Он что-то шепнул другому и вышел.

– Пошли за мной, – грубовато обратился к Алексею милиционер.

– Она со мной, – ответил Алексей, не желая оставлять Иру в компании этих ребят.

– Да, да.

В коридоре стоял опять тот мент в синей рубашке. Это был дежурный.

– Ты Алексей Тихов? Сын Олега Тихова? – скороговоркой спросил он.

Его цепкий взгляд изучал парня.

– Да, все верно. А откуда вы знаете меня? – задал встречный вопрос Алексей.

– Я знаю твоего отца, – слегка улыбнулся тот.

Он повел его и Иру по коридору к окну дежурного.

– Так, этого парня освободить. Это недоразумение. Тем более ему и так досталось. Так Леха? – ища ответ в глазах Алексея, спросил он.

– Да, – с неохотой выдавил из себя молодой человек.

– Ну, все тогда иди, отцу передавай привет от Григория. Он меня знает.

Алексей и Ира направились к дверям.

– Отвези ребят домой, – обратился к водителю УАЗа дежурный.

Алексей обнял Иру и они вышли на улицу. Зеленый участок с ослепительными лампами дневного света остались лишь в их памяти. Ночной воздух стал еще больше свеж. Ночь вступала в свои права. Ира посмотрела на него. Он улыбнулся ей в ответ.

– Все в порядке, – шепнул парень ей на ухо.

– Досталось вам сегодня, – приветливо начал разговор шофер, когда они сели в машину.

– Да, я так испугалась за Алексея, – ответила Ира.

УАЗ помчался вперед по улочкам района. Навстречу им проехала иномарка, ритмы музыки которой буквально разрывали тишину ночи.

– Цыгане опять катаются, веселятся... – недовольно пробурчал мент.

Алексей смотрел в окно и не слушал милиционера. Думал о своем. Он считал, что ему все же повезло. Этот день он провел с любимой девушкой, уличная драка не обернулась для него ничем серьезным, чего опасался Алексей, и в участке не пришлось даже отвечать на вопросы участкового.

Луна ярко светила на небе. Знакомые силуэты двухэтажных домов замелькали за окном автомобиля. Они казались еще более ветхими при свете ночного светила. Вот и руины кирпичного предприятия. Сейчас там тихо и спокойно.

Глава 4. Мальчик на кирпичах

Милицейская машина проехала мимо сгоревшего здания. Огни фар УАЗа отразились в глазах мальчика, бесцельно смотрящего в пустоту летней ночи. Его рот приоткрыт. Пульс учащен. Зрачки расширенны. Пальцы медленно шевелятся, словно перебирают что-то невидимое. Веки полужакрыты, дрожат.

– Валим отсюда, похоже, у него передозировка... – шепчет своему спутнику наркоман.

– Да, пора уходить. Вон мусора сегодня что-то раскатались тут ... – отвечает ему молодой цыган.

Непонятное бормотание мальчика раздается уже тише, кажется, что голос у него слабеет.

Два силуэта удаляются, скрываются среди полуразрушенных стен завода, оставляя мальчика наедине с жизнью и смертью.

Что-то неясное и темное мерещится ему. Он видит, словно запутался в кустах, пытается вырваться из них. Бесполезно. Потолок медленно начинает опускаться, смыкается с полом. Мальчику страшно, ему хочется кричать, но с губ срывается только сдавленный стон. Запах сирени смешался с запахом недавно приготовленной отравы. Пустой шприц валяется немного поодаль на битом кирпиче. На игле следы детской крови. Это инструмент разрушения человеческих судеб.

Странные звуки, странные шорохи нарастают, которые перерастает в общий шум, гул. Возможно он слышит собственную пульсацию сердца, а, может быть, это еще один эффект наркотика. Голова болит. Перед глазами в какой-то момент проясняется. Он смутно понимает, где находится. Кирпичная разрушенная стена перед его глазами. Мальчик медленно поднимает взор в небо. Звезды горят ярко в чистом ночном небе.

И вдруг это небо начинает двигаться, приближаться к нему. Потом наоборот отдаляется, превращается в черное полотно.

– Мама, Рома, – шепчет мальчик, зовет свою маму, старшего брата.

В тишине ночи вдруг раздаются шаги по битому кирпичу. Кто-то приближается к нему, неужели это опять те, которые накачали его белой отравой.

Через расщелину в кирпичной спине сюда смотрит брат Рома. Его глаза округляются, когда он видит своего младшего брата, лежащим на кирпичах, среди папоротников.

– Мишка, что ты здесь делаешь?! Миша! – тормошит он своего брата.

Тот в ответ только слабо улыбается. Бессмысленный взгляд.

В темноте загорается дисплей мобильного телефона. Старший брат звонит в скорую помощь, называет адрес разрушенного здания.

– Кто это с тобой сделал?! Мишка! – в отчаянии кричит Роман, стоя на коленях перед своим братом. Слезы на глаза парня. Горячие капли стекают по щекам, падают вниз.

А Мишка уже почти ничего не видит. Только затухающий свет. Тьма в глазах. Дыхание замедляется, как и пульс. Когда скорая приехала, оглашая район, звуками сирены, озаряя тревожными огнями тьму, мальчик уже не двигался. Его помутневшие глаза смотрели в небо. Эта жизнь у него закончилась так рано и бессмысленно, может быть, в другой жизни повезет больше, чем в этой. Может быть...

Старший брат был безутешен...

Глава 5. Бойкая торговля

А всего лишь в трехстах метрах от места трагедии в эту ночь шла бойкая торговля. К шикарному кирпичному дому подъезжали машины одна за другой. Свет этих машин разгонял тьму улицы. Из автомобилей выбегали парни, девушки поспешно подбегали к железным черным воротам. Иногда покупатели просто приходили пешком, выныривали из тьмы опустившейся на этот город. Они стучат по железу, оглядываются по сторонам, боятся появления ментов, которые сразу же заберут их сразу же в участок.

Открывает дверь молодой человек с бледным худым лицом. Он живет вместе с цыганами. У него серьезная и ответственная работа – торговля смертью в пакетиках, в таблетках.

– Димедрол есть? – испуганно спрашивает покупатель.

– Нет. Кончился. Завтра привезут.

Железная дверь закрывается. Соседская собака начинает лаять. Торопливо наркоманы убегают обратно. Хлопают двери машины. Автомобиль быстро отъезжает от дома, направляется к дому другого наркобарона. На какое-то время улица погружается опять в тишину и мрак. Но вот едет еще машина, ее фары не горят. Урчание машины уже напротив дома наркоторговца. Звук открывающейся железной калитки. Опять видно худое лицо наркомана.

– Принимайте, – почти шепчет поставщик.

Темные силуэты замелькали. Ценный груз доставлен по адресу.

Автомобиль быстро уезжает. Звук мотора машины затихает.

Голодная собака воет в темноте. Подозрительная соседская старушка стоит на крылечке тщетно всматривается во мрак, пытаясь увидеть, что там творится.

Сегодня будет хорошая торговля. И почему-то этим ублюдкам, живущим в этом шикарном доме все сходит с рук, так везет.

Эпилог

...Время тянется бесцельно и долго. Летняя ночь окутала район ветхого жилья. На востоке уже начинает тлеть свет нового дня. Что он принесет? Новые разочарования? Новые мечты? Нет. Он просто будет такой же, как и все предыдущие дни. Ничем не будет отличаться от них. Жизнь будет течь по-старому.

Через раскрытую форточку барачной квартиры одинокой старушки доносится голос радиодиктора. Он радостно сообщает об экономическом росте страны, говорит о том, что уровень жизни общества улучшается, объем ВВП растет, пенсии растут. Все растет! А растет, это значит хорошо. В его голосе звучит надежда, вера в светлое будущее, которое должно прийти к нам неожиданно и внезапно, должно сменить все старое, плохое, построить прекрасное, светлое. И очень хочется верить в это, но не получается. Но великая и могучая страна должна это сделать. Все равно где-то в глубине сердец каждого из нас живет вера в светлое будущее, такая же, какая была у наших бабушек, дедушек, которые верили в светлое социалистическое будущее, верили в СССР.

И когда-нибудь этот район ветхого жилья станет процветающим и богатым, закон и порядок будет там. Беспредела больше не будет. Не будет этих домов с прогнившими крышами, не будет разбитых непроходимых дорог, не будет голых ржавых труб теплотрасс, не будет свалок, не будет кирпичных руин. И в этом нам всем поможет вера в будущее и, конечно же, фортуна удачи.

(2007).

Танец под солнцем

Он мог подолгу, если не вечно, смотреть на несущиеся по ноябрьскому небу серые безрадостные облака и думать о лете. Точнее вспоминать один и тот же солнечный день, когда он слышал шум моря, ощущал прикосновение теплых лучей. Под ногами только мягкий песок, рядом с ним блондинка Марина, одетая в яркий купальник. Они танцуют прямо тут на берегу, музыка, доносившаяся из магнитофона, сливается с шепотом ветра, звуками набегающих волн. От горизонта, до горизонта они здесь одни.

На фоне бирюзового чистого неба, пенящегося моря он видел ее. Загорелая, стройная с длинными мокрыми волосами она танцевала перед ним. Ослепительная улыбка озаряла ее лицо, когда их глаза на мгновения встречались. Руки вверх к солнцу, к неизмеримому небу. Время танца, время любви, время беззаботности. Голова кружится в этом причудливом танце. Звонкий смех девушки сливается со сдержанным смехом ее партнера.

– Чудный день, все просто великолепно! – восклицает Марина.

– И ты выглядишь просто потрясающе! – дарит ей парень очередной комплимент.

В ответ опять эта обаятельная незабываемая улыбка, ряд белоснежных зубов обнажаются. Ее глаза слегка влажные.

– Смотри лучше на небо, как оно прекрасно, – девушка смотрит вверх, не переставая танцевать.

Артем смотрит в бесконечную синеву летного неба, лучи солнца ослепляют его. И опять они танцуют. Марина бежит по желтому песку к воде. Молодой человек бежит за ней. Разноцветные брызги влаги летят в разные стороны. На какой-то момент они сближаются. Парень ощущает на своей щеке учащенное дыхание девушки. Он обнимает ее. В ответ только порция воды в лицо. Артем улыбается, зажмурив глаза. Она никак не уgomонится, балуется. Терпение парня подходит к концу, он тоже начинает разбрызгивать соленую влагу. Марина только смеется в ответ.

Нет, это просто замечательный день. Он никогда не был так счастлив. Беспечно молодой человек закрывает глаза от очередной Мариной волны. Вкус моря на его губах соленый, перемешанный с запахами земли. Кажется, в этот момент все перемешалось в его голове. И снова девушка рядом с ним, он обнимает ее гибкое тело. Целует ее в щеку. Она смеется, он дарит ей еще один поцелуй. Первый ответный поцелуй, и их уста сливаются. Он гладит ее мокрые светлые волосы, плечи, руки.

– Ты меня любишь? – опять раздается ее банальный вопрос.

– Конечно, я люблю тебя! – шепчет ей в ответ Артем.

– Скажи громче... – с легкой лукавой улыбкой на лице говорит она. Ее черные брови недоверчиво приподнялись.

– Я лю-блю те-бя! – кричит парень.

Море, словно, улавливает эти слова, стихает на какой-то момент. Молодой человек чувствует, как бьется девичье сердце. Грациозно выскальзывая из его объятий, Марина бежит к берегу. Он бежит за ней, догоняет ее на песчаном берегу. Молодые люди падают на теплый песок, смеются. В этот момент Артем понимает, что с ней он по-настоящему счастлив. Ему нравится смотреть на ее счастливое красивое лицо, лежать с ней на этом берегу, смотреть на бирюзовое чистое небо, ощущать, как касаются ног морские волны.

На какой-то момент они перестают смеяться, просто с улыбкой на лицах рассматривают друг друга. Артем наклоняется к ней, их губы сближаются. Он целует ее медленно, словно старается растянуть это удовольствие. Вкус моря на их устах. Его руки осторожно скользят по ее влажному телу, как могут гладить только что распустившийся цветок, стараясь не сломать, не повредить его. Маринина рука прикасается к его нагретой солнцем спине. И какое это

наслаждение, лежать под солнцем, видеть высокое небо, обнимать любимого человека, слушать мерный усыпляющий шум моря.

Воспоминание исчезает, как и улыбка на его лице. Артем стоит в сумрачной комнатке, смотрит через окно на несущиеся вдаль безликие облака. Как же он давно не видел солнца. И почему ему кажется, что он еще ощущает соленый вкус моря на губах, чувствует нежные прикосновения Марины. Один только ее звонкий смех – это сказка. Теплые лучи солнца опять нагревают его голову, ветер доносит до него влажный теплый воздух. Теперь все это только лишь курортные воспоминания...

(2007).

Широко шагаю

Майя – богиня весны, опять вторглась в нашу северную жизнь, обновила весь сибирский пейзаж. Белые бескрайние просторы теперь зеленеют. Деревья уже безжизненно не чернеют, под синим небом. Солнце вновь стало добрым и теплым. И сердца сибиряков отогрелись от холодов. Люди гуляют по городу, по едва зазеленевшим скверам, с каким-то удивлением и восторгом всматриваются в непривычно пугающую бездонную синеву неба. А в темных местах, куда лучи солнца почти никогда не попадают, еще лежит грязный снег, он еще борется с наступающим теплом. Но течение времени не изменить – за зимой идет весна, так было и будет всегда. Дни становились длинней, ночи короче.

Именно весной, как никогда, хочется жить. Это желание жизни буквально прорывается в каждом действии, каждой мысли человека. Просыпаешься и мысли уже полны весной. Исчезает на какое-то время будничность дней во всем: в учебе, в работе, в любой другой деятельности. Хочется двигаться, хочется жить, хочется совершать такие дела, поступки, которые даже спустя много лет ты будешь вспоминать о них с ностальгией, будешь переживать радость, счастье, любовь при одной мысли о том солнечном весеннем дне.

И я с уверенностью могу сказать, что студенчество – это самая прекрасная пора в жизни человека. Пускай нелегкая, порой и трудная пора, но самая запоминающаяся и яркая. Учеба, дружба, сессии, любовь – все это врывается в жизнь студента, и на какое-то время вдруг теряешь связь с реальностью жизни, кажется, что все дороги перед тобой раскрыты, появляется иллюзия безоблачного умного мира, в котором нужно просто учиться. По спирали времени студент вращается, – учится, готовится к сессии, сдает сессию и опять учится. И как же порой интересно бывает сидеть на первых парах каждого семестра на сдвоенных, а то и на строенных парах, видеть новых участников процесса учебы, узнавать расшифровку странных аббревиатур предметов. Профессора, лектора улыбаются нам, студентам, представляются, говорят о том, что нам предстоит изучить в этом семестре.

Весенние лучи солнца смотрят на студентов. А я смотрю на эти золотистые потоки света, что проникают через окно в эту аудиторию. В наши, невосприимчивые в это время года, головы, лекторы пытаются впихнуть нам знания о концепции современного естествознания, о транспортных задачах в сетевой постановке, о Мартовских системах, об объектно-ориентированных подходах в программировании и прочую научную информацию. Но навряд ли кто-то всерьез вникает во все это. Студенты народ беспечный, их заботит только сдача сессии, к которой они будут готовиться за неделю, а гляди того и еще позже.

И сейчас, сидя за партой, слушая лекцию по философии, разомлев под лучами солнца, я испытываю чувство схожее с благополучностью и спокойствием. И неудивительно, если вспомнить, к примеру, как жил лет пять назад, то сейчас гораздо лучше, хотя с другой стороны это как сказать. Потери тоже были, а в борьбе со временем, как на войне, теряешь многое, порой очень ценное. Близких людей не вернуть в борьбе с неумолимым временем и это, безусловно, самая сильная потеря. Это очередная рана на сердце, шрам на многие годы. Уже третий год в моей семье по смерти. Семейная неутешительная статистика демографии.

«Демографическая яма» – пугают нас этим словосочетанием в университете на экономических предметах, а иногда и на социологии. Это действительно страшное сочетание слов, но думаешь, конечно, не о нехватке рабочей силы или о негативных последствиях, которые снизят экономический рост страны. Смысл этих слов мне представляется заплаканными глазами людей, усталых и тусклых от частых безвозвратных разлук. Видишь как наяву похоронные процессии, улавливаешь напряженное гнетущее молчание у свежей могилы покойника. И чьи-то горькие слезы. Пестрые цветы – это последняя дань тому, кто ушел навсегда в мир иной. Похоже, что нас все меньше и меньше становится на этом черноземе. Стоит задуматься

всем нам и всерьез, особенно молодым. Что они делают для того чтобы уменьшить негатив смертности? Почему уходит в прошлое понятие «семья»? Фиктивный, гражданский брак все более популярен в наше время, но к чему это, в конечном счете, приведет? Не хочется даже думать об этом. Но, как говорят политики, что ситуация последнее время в демографии пре-ломилась, наметились положительные тенденции. И это утешает...

Солнце бьет в глаза. Лектор все по-прежнему читает нам, из своей книги, стоя за кафедрой. Особого интереса в глазах студентах не видно, все слушают потому-то это надо. Сократ, Платон, как давно они жили, и даже тогда они тоже задавались вопросами жизни и смерти, думали о времени, о душе, о прекрасном. «Что же можно назвать прекрасным, а что ужасным?» – задаюсь я мысленным вопросом. Ответ приходит из слов профессора, а если быть точнее из идеи Аристотеля: «Если вы хотите уразуметь прекрасное, то обратите свое внимание на те вещи и явления, которые признаются прекрасными. Установите, что менее и что более прекрасно. По определению ближе всего к идее прекрасного стоит самая прекрасная вещь. Сознывая это, вы переходите от красивой вещи к прекрасной и под конец совершаете предельный переход, скачок, достигая самой идей прекрасного».

И должен согласиться, что древние греки были правы в этом, да и вообще во многом. Основы принципы философии постоянно анализировались еще тогда, и они актуальны и сейчас. И двигателем во всем их постоянном движении к познанию была телеология, то есть цель познания мира. Поиск истины, поиск абсолютного прекрасного, толкало людей совершать прогресс. Чтобы облегчить свой труд, человек изобретал орудия труда, которые со временем совершенствовались, приобретали новую форму, новую функциональность, но цель оставалась той же. Тоже касается и счастья. Человек всегда был в поисках счастья. Он пытался найти такой уголок земли, где бы он был счастлив. Но проблема главная в не том, чтобы найти счастье, а в том, чтобы определить его форму и содержание. Имея одно, мы будем недовольны другим, а имея другое, мы будем мечтать о третьем. Что нужно для счастья? Это не жизнь, растраченная на удовольствия, наслаждения и развлечения, это не почести и успех и не богатство, а совпадение добродетели человека с внешней ситуацией. Гармония души, прежде всего, ведь именно она определяет наше состояние. Последняя реальность – Бог, и он, безусловно, эталон для человека, к которому и должен стремиться человек, чтобы достичь правильного абсолютного счастья.

Пара по философии закончилась. Звонок зазвенел, и студенты шумно начали собираться, покидали солнечную аудиторию, с купающимися в золотистых лучах пылинками. В коридоре не протолкнуться. Студенты и преподаватели снуют по коридорам университета, двери аудиторий открываются, закрываются. А мне нужно идти в другой корпус. Вместе с остальной группой мы выходим на улицу. Теплое солнце доброе сегодня. Ветер ласков и нежен. Птицы, чувствуя весну, щебечут громко. Студенты, тоже сейчас заметно повеселевшие после первой умопомрачительной пары. Шутят. Это хорошо, значит все еще впереди, есть надежда, что основная часть группы дотянет до третьей пары и не сбежит, чтобы гулять по теплему городу.

По дискретной математике начали изучать теорию графов. Не задерживаясь долго на простых понятиях, перешли к изучению деревьев, корней и ориентированных деревьев. На мой взгляд, тема достаточно интересная, а главное имеющая широкое практическое применение. И я уже полон решимости написать программу, решающую основные типы задач, использующиеся в теории графов. Но некоторые из нас, по-прежнему, скучающе смотрели в окно, откуда задувал к нам ветер весны. Это не просто весна, – это студенческая весна. А она особенная, перед ней сложно устоять. Преподаватель нам говорит, что у вас это гормоны играют, оттого вы такие и беспокойные в этот период времени. Мы смеемся естественно, уж больно непривычно слышать такое объяснение на то, почему весна такая теплая, добрая и удивительная пора. А еще он говорит нам, что сейчас не воспринимает весну сейчас, как лет двадцать-тридцать назад, что-то погасает в душе в человеке со временем. Может быть

это огонек жизни, со временем угасает в душе каждого из нас, который потом совсем тлеет и сильно дымиться. Тогда нельзя этому огоньку гаснуть никогда, кормить нужно свой огонь души: новыми идеями, новыми мечтами, положительными эмоциями, да даже нелепой для кого-то надеждой на светлое будущее.

«Все будет хорошо»! – говоришь себе сам, и незаметно для себя замечаешь, как мир начинается искриться лучами счастья и радости. Солнечные зайчики, из отражения стекла не раздражают тебя больше, ты не шуришься от этих лучей, ты просто радуешься, распахнув глаза этому миру. Счастливое спокойствие овладевает твоей душой. Может быть это и есть, то абсолютное простое счастье, о котором говорил Аристотель? Все может быть...

Большая перемена началась после окончания дискретной математики. Все из нашей группы разбежались кто куда: кто-то в столовую поспешил, чтобы занять место в длинной очереди студентов-едоков, кто-то гулял под солнцем, на внутренней территории университета, а третьи, – просто стояли группами в вестибюле, коридорах университета разговаривали, шутили, смеялись, Наверное, строили планы на выходные, на лето. Скоро май, вот когда станет по-настоящему празднично. Там столько праздников. Невольно представляешь себе толпы людей вышагивающих по городу с плакатами, со знаменами. Демонстрации – это просто традиция нашего народа, которая навряд ли уйдет в прошлое. Под звуки торжественного марша, российский человек будет встречать день трудящихся, день победы над фашизмом. И это прекрасно, что есть такие праздники, которые объединяют всех, заставляют нас почувствовать великим единым народом.

Девушки красивые, почувствовали тепло, скинули с себя плащи, ходят по университету привлекают парней, заставляют тех бросать на них задумчивые влюбленные взгляды. Блондинки, брюнетки, русоволосые, рыжеволосые – все они как сплошное море красоты и молодости, дополняют радость весны, которой нельзя не радоваться. А в вестибюле опять устанавливают колонки, звукоаппаратуру. Сейчас значит, будет мини-представление. Размеренная и в тоже время ритмичная музыка начинает разноситься по университету. Студенты скопились в вестибюле, оставив лишь в центре место для организаторов этого шоу.

Фраза: «Добрый день уважаемые студенты», находит бурный отклик в толпе зрителей. Начинаются розыгрыши, раздача символических призов от спонсоров университета. Случайным образом выбираются студенты, которые должны будут участвовать в том или ином конкурсе. Кому-то может это показаться глуповато, прыгать в мешке, быстрее, чем остальные, но я думаю, что это просто повышает студенческий позитив, который откладывается в душе. Жаль что большая перемена, не такая большая как хотелось бы. Часик бы, другой – вот была бы перемена!

И вот последняя пара на сегодня начинается у нас – «Высокоуровневое программирование». Этот предмет особо любим мною. Это моя сфера, моя стихия, где я являюсь создателем, творцом, пусть даже простой программы. Для того собственно я и учусь на программиста. Все парни из нашей группы, затаили дыхание перед мониторами компьютеров, стучат по клавиатурам, двигают мышками – работают. К концу пары должен быть вполне сформированный программный продукт. Но этому видимо, не суждено сбыться для многих из нашей группы. Как только старший преподаватель покидает кабинет, оставляя их наедине с компьютерами, и все начинают играть в старую добрую игрушку «Старкрафт» по сети. Целые баталии виртуальных миров разворачиваются перед нашими глазами, в которых мы не сторонние зрители, а участники, полководцы будущего. Пехотинцы и пара осадных танков встречаются с армией инопланетных протосов. Битва осложняется появлением биологической инопланетной расы – зергов. Начинается настоящее месиво, прямо как на массовых драках. А потом когда силы растрочены, опять идет интенсивный процесс сбора ресурсов: минералов и газа. Кажется все просто, это всего лишь игра, но если вдуматься, это упрощенная имитация жизни. В глобальном мире, каждая страна тоже занимается добычей, либо закупкой ресурсов, кото-

рые тратятся на общественное производство, но и не только. Не стоит лукавить, обманывать себя. Нужно смотреть правде в глаза, человек всегда был воинственным созданием, он всегда покорял, захватывал, и колоссальные средства тратятся на создание, поддержание армии, на развитие военных технологий, и все из-за одной единственной причины – войны. Она всегда была, это одна из составляющих сущности человеческого общества. Именно она заставляет всех вооружаться, создавать армии, сверхмощные оружия смерти. Стремление улучшить свое влияние, расширить материальную базу толкало человека к войнам. Достоевский в «Преступление и наказание» писал, что люди делятся на право имеющих и не имеющих право перешагнуть черту убийства, войны. Чем больше людей «право имеющих» тем больше вероятности войны.

Преподаватель заходит в компьютерный кабинет, игру все вынуждены прерывать. Конец так и не ясен – «game finish». Нужно выполнять лабораторное задание. Это не долго. Минут десять быстрого набора программного кода, и рождается новый программный продукт. Это похоже на маленькое чудо. Мысли человека находят практическое воплощение в виртуальном пространстве. Виртуальность, как порой она нужна нам, как воздух, особенно когда реальность сурова и сера, пытаешься спрятаться как страус голову в землю.

Опять звенит звонок. Все пора домой. В коридорах опять народ, в вестибюле в раздевалке тоже длинные очереди, и три гардеробщицы мечутся между рядами вешалок. «Пожа-а-луйста, возьмите мой номерок», – девушки подкупают работниц раздевалки, своими простыми просьбами, протягивают им свои номерки. А парням остается только смотреть и пропускать прекрасный пол вперед, ждать, когда поток девчонок с умоляющими невинными глазками закончится.

Выстояв добросовестно в очереди, я получил, наконец, свою опрятную весеннюю куртку. Невольно вспоминаешь, во что я одевался пять лет назад. Сморщенная помятая кожаная облезлая куртка, которая досталась мне по наследству от отца, затертые от стирки несменные штаны – вот мое одеяние, которым я в свое время удивлял людей на улицах города в весеннее и зимнее время года. Ловил на себе неодобрительные взгляды в трамвае стариков и женщин. Наверное, они думали, что я какой-нибудь наркоман или алкоголик, который опустил на дно жизни. И мое худое лицо от «хорошей сытной» жизни было еще дополнительным аргументом для окружающих меня.

Помню, раз как-то раз ехал в трамвае, впереди меня стояли два наркомана. Одураченные лица, мутные глаза, трясущиеся ноги, а одежда прямо как у меня – изжеванные кожаные куртки, как кожа старого бегемота. Кондуктор обличала, пыталась заставить их платить за проезд, но они не могли даже ничего внятного сказать.

«Вы посмотрите, на кого похожи, смотреть противно», – кричала женщина.

От кайфа блестели глаза, губы их шептали что-то под нос. Пассажиры с упреками и страхом смотрели на них, а потом когда кондуктор со строгим видом подошла ко мне, все посмотрели на меня. В их глазах я ничем не отличался от двух предыдущих собеседников кондуктора. Какая-то бабушка сердито бормотала себе под нос: «Совсем опустилась молодежь, ни одного нормального не встретишь». Она не знала, что в районе ветхого жилья, есть тоже нормальные парни и девушки, которые не наркоманы, не алкоголики, которые даже не курят. Просто их опустила сама жизнь, бедность, загнала их в тупик безысходности. И в душе я злился на себя, на свою жизнь, на нищету в которой погрязла моя семья. «Все нужно искать на лето работу, буду вместе с отцом где-нибудь работать нас стройке или на заводе», – успокаивал я себя, приводя свои мысли в порядок.

«А у тебя, где за проезд?» – почти зло, говорила кондуктор мне, измотав свои нервы двумя «зайцами». И я, краснея от стыда, насыпал ей в руку целую пригоршню мелочи, ту самую, что вчера я с мамой наскребал дома на дорогу. Бедность – не порок, говорят люди, но когда жизнь зажимает тебя в тиски, невольно опускает на дно жизни, то невольно задумы-

ваешься над правдивостью (или неправдивостью) этого высказывания. В жизни деньги решают многое. Без денег человек, может пойти на крайние меры, может сделать шаг в сторону. А сделаешь один неверный шаг, за ним будет наверняка еще и еще... Поступившись со своей совестью, с принципами жизни человек нарушает свое табу, его душа потеряет форму. Бесформенно растекаясь по мутной, грязной и бурной реке, называемой жизнь, все твое содержимое души марается грязью, сереет, теряет первоначальную белизну.

Деньги решают многое, решают наши судьбы. Это неприятная зависимость, но от этого не уйдешь, так как все мы живем в обществе. Иногда отсутствием денег становится расплата здоровьем и даже жизнью. Помню соседку-старушку, которая достаточно часто ходила к нам в гости, в частности к маме. Так вот вовремя выявленный смертельный диагноз – рак, мог быть исцелен, если бы не проблема с деньгами. Но их не нашлось, и человек умер. Но и на этом дело не закончилось. Ее сын, который жил вместе с ней в одном доме, остался один, со временем спился. И меньше чем через полгода его зарезали в собственном доме малознакомые собутыльники. Две смерти произошли только по причине отсутствия денег.

Мои мысли невольно перескакивают на другой несчастный случай, в еще одном соседском доме, где жили наркоманы. Помню как, летним утром я с мальчишками обнаружил мертвого наркомана, который сидел на завалинке частного дома. Холодный, серый, весь съевшийся он походил больше на гоблина, чем на человека. Отрава унесла жизнь в эту ночь этого молодого человека, который выглядел как старик. Ментовская машина приехала, и люди в погонах начали свое расследование. Соседи проходили мимо охали, удивлялись тому, что еще один человек покинул этот мир. Смерть повсюду, она не дремлет, витает вокруг нас, а мы словно идем по лезвию ножа, порой беспечны, безрассудны, прожигаем свою жизнь дотла.

Но хватит о плохом, сейчас, же время очередной весны! Самая прекрасная пора года для меня. Время надежд, время любви, время счастья. Сейчас я просто тряхну головой, взьерошу свои волосы и забуду о прошлом, весело пойду по тротуару. Город сегодня шумит особенно по-весеннему. Машины весело шипят летними шинами на асфальте, грохочет трамвай, звонко стучат каблуками университетские девушки. Вот и одна моя знакомая идет тоже на остановку после университета. Стоим на остановке, ждем трамвая. Она красивая: вздернутый носик, светлые волосы и почти не накрашенная. Она улыбается мне. А я ей в ответ.

«Ну, все пока!» – машет ручкой она мне, садится в трамвай, он ее увозит за поворот проспекта, кишащего жизнью. Мой трамвай идет следом. И через пару минут я тоже сижу на сидении в задумчивости смотрю в окно. Мой старенький телефончик вибрирует в кармане, – это мама перечислила деньги на мою симку. Телефонный оператор уведомляет меня смс-сообщением о поступлении новых денежных средств. Думая о мобильном, я невольно вспоминаю о том зимнем дне, когда мне пришлось несладко. Трое зеков напали на меня, когда я в очередной раз спешил после университета на работу. Вот тогда-то я и не смог отстоять свой недавно купленный телефон. Нож в руке одного из грабителей, кулачные удары сыплются со всех сторон на меня. Я пытаюсь драться с тремя, но бой неравный, и за их плечами опыт суровой лагерной жизни, мой, же опыт ограничивается уличными стрелками. Лицо бывшего заключенного со сломанным носом и со шрамами на лице перед глазами у меня. Эти трое тоже сделали в свое время свой неверный выбор, пошли по пути легкой наживы. Бедность их сделала хуже, и ничего с этим не поделаешь. Одни могут смотреть на проезжающие мимо дорогие иномарки, видеть господ и дам в дорогих шубах и дубленках, а другие не могут этого видеть, начинают подличать, поступаться с совестью.

Трамвай останавливается на очередной остановке. Это моя остановка. Я выхожу, Майя-весна опять обдает меня своим теплом и свежестью. Широко шагаю по дороге, иду домой. Над моей головой сверкает весеннее солнце, небо чистое словно приглашает меня взлететь от счастья. Ах, если бы у меня были бы крылья, я бы улетел высоко, высоко, ощутил бы всю

прелесть высоты птичьего полета. Но человек, может только ходить, и поэтому я буду просто широко шагать, идти по жизни уверенно вперед с верой в лучшее будущее...

(2008).

Вспышка

...Говорят, что американцы изобрели новое оружие, еще более мощное, чем ядерное оружие. Прошли успешные испытания. Оружие «умное», совершенно не вредит природе, уничтожает только людей. Психоволны заставляют мозг человека убивать себя. Во все эти слухи, я не верил. Такие слухи ходили в течение года, а потом случилось это ужасное. И мне пришлось поверить во все это, когда по телевизору показали ужасные видеосъемки мертвой столицы, когда сам проснулся в безжизненном городе. А начиналось это так...

Проснулся от сильной боли в голове. В ушах шумело. Посмотрел время. Циферблат показывал 07:25.

«Что это было?» – спрашиваю я сам себя, пытаюсь заснуть. Но сон уже не шел.

«Неужели у меня такие проблемы со здоровьем, что просыпаюсь ранним утром от дикой боли?» – опять спрашиваю сам себя. А ответа нет. Я пока еще ничего не знаю, о том, что произошло вокруг меня. За окном начал заниматься новый рассвет. Еще раз смотрю в окно. Но нет, свет не только от зари. Странные огненно-оранжевые лучи проникают в комнату.

«Авария? Война? Ядерный удар?» – теряясь я в догадках, поспешно одеваюсь. Поспешно спускаюсь по лестнице, выскакиваю из подъезда, чтобы не пропустить огненное сияние в небе. Гигантское тусклое солнце гаснет. Очень странное и даже страшное явление. Но я еще не знаю, насколько страшное оно. Поглазев еще пару минут в небо, я понял, что это явление не повторится. Пора бы идти домой, да нет. Насторожила меня необычная тишина в это время. Обычно прохожие спешат на работу в этот час, дороги забиты. Но только не сейчас.

Я прислушался. Было действительно очень тихо, и только ветер шумел в поднебесье. Никакого городского шума не было слышно.

«Странный ветер», – подумал я, опять смотря на светлеющее небо. По телу пробежала легкая дрожь от утренней сырой прохлады. А ветер никак не унимается, треплет деревья, гонит по улице газеты.

На лавочке, среди детских каруселей сидел дед. Похоже, что он спал. Однако его неестественное положение головы немного насторожило меня. «Может, что случилось с ним?» – подумал я, и какое-то нехорошее чувство похожее на предчувствие беды закралось в сердце.

– Эй, дедуль! С вами все в порядке? – крикнул я, не очень желая разбудить старика.

Старый человек по-прежнему не двигался.

«С ним явно что-то не так», – понял я, и пошел к нему быстрыми шагами. Однако меня ждало еще большее потрясение, когда начал обходить припаркованную возле дома машину. С ключами в руках на асфальте лежал сосед из моего подъезда. Он так и не дошел до своей машины.

– Александр, – окликнул я его. Проверил пульс. Он был уже мертв.

«Нужно вызвать скорую!» – мелькнуло у меня в голове, и я начал щупать себя по карманам в поисках телефона, сразу же поняв бессмысленность попыток в данной ситуации. Человек умер, и никто ему не поможет уже. Потом я опять переключился на поиск телефона. Мобильник остался дома. С досадой я помчался по улице в надежде встретить кого-нибудь. Уютный двор, окруженный пятиэтажками, остался позади. Выбежал на улицу. Движение было здесь парализовано. Машины неподвижно стояли, и водители все как один уснули, и, похоже, что вечным сном. Светофор, как ни в чем бывало, мигал своими лампочками. Пешеходы, которые еще несколько минут назад куда-то спешили, кто на работу, кто в школу, кто так по делам, в один миг умерли, у всех у них забрали жизни. Две школьницы лежали на асфальте с ранцами на спинах. На лице ни тени страха или боли. Спокойные и даже веселые они так и умерли, ничего не поняв. На остановке старик с белой бородой сидит на лавке, его руки все еще сжимают, свежую газету. Глаза слегка приоткрыты, и кажется, что он за кем-то наблюдает. Но нет,

жизнь покинула и его. Молодая парочка так и умерла в объятьях. «Может быть, им повезло больше чем мне» – прокралась в мою голову мысль. Остаться одному в мертвом городе – это, пожалуй, одно из сильных испытаний для человека. Хотя с другой стороны может быть, в этом проявилась моя удача. Я все еще жив. Однако особой радости поводу этого я не испытывал сейчас, скорей ужас, перед тем неизвестным и глобальным, что пришло в мой город. Кажется, что я сошел с ума. Или весь этот мир катится к своей гибели.

Без какой-либо определенной цели я помчался по улице к скверу. Мертвые люди лежали везде, сидели в машинах, на лавочках. Пробегаю мимо магазинчика, я вдруг услышал обрывки человеческой речи. Сердце замерло в надежде, что кто-то еще жив в этом городе. Но, увы. Каково было мое разочарование, когда я увидел включенный телевизор на прилавке маленького супермаркета.

«Черт бы побрал тех, кто все это сотворил с этим городом», – подумал я, стараясь вникнуть в слова репортера. Очередной экстренный выпуск новостей был посвящен именно новой атаке американцев по территории западной Сибири. Россия предприняла попытку ядерной атаки по территории агрессора, но она почему-то так и не свершилась. Возможно, что уже не было никого, даже тех, кто должны были нажимать на кнопку в бункерах.

Сейчас я уже ни в чем не уверен. Я не знаю, ударят ли еще раз американцы по этому городу или это больше не повторится. Нужно уходить из города. Знаю, только одно знаю, что Россия все равно будет жить. Невольно думаю, что возможно я последний житель этого города. Сердце неприятно сжимается. Останавливаюсь. Пустынное шоссе скрывается за горизонтом. Зеленый хвойный лес обступил дорогу впереди. Нужно идти дальше. А перед глазами опять ужасное зрелище мертвых людей, которые куда-то шли, отдыхали, спали. У всех у них враз забрали жизни. Поднимаюсь, быстро иду по направлению к лесу. Он вызывает у меня чувство какой-то безопасности, но хотя это довольно глупо. Он меня не защитит от второй волны.

Прятаться бессмысленно. Здесь не помогут бункеры, защитные костюмы. Остается только ждать, смотреть на небо. Говорят, что яркая вспышка первичный эффект действия оружия. Американцы объявили русским войну, поэтому ждать очередного удара вполне вероятно. Они пока всю страну не уничтожат, не успокоятся, слишком много им «насолила» Россия в свое время. Во времена холодной войны США строила планы по уничтожению СССР, где целями для ядерных ударов должны были стать военные объекты и просто мирные города. И сейчас Москва уже стала первой мишенью психоатаки, представляла собой мертвый город без жизни. По телевизору показывали репортаж. Какие-то отчаянные репортеры приехали в Москву после нападения американцев, снимали безжизненный город. Горы трупов, мертвая цивилизация – все это невольно вызывает шок. И это делает цивилизованное государство, которое традиционно было борцом за демократию. Это такие демократические методы?! Лучше бы молчали бы про свою демократию. Но с другой стороны, это понятно, американцы всегда так поступали. Когда они изобрели атомное оружие, то, что они первым делом сделали? Они сбросили бомбы на Японию, – врага номер один в те времена. Вьетнам, еще одно темное пятно в истории американцев, где они немилосердно бомбили все и всех, вынуждали вьетнамцев прятаться в подземных лабиринтах. Бывшая Югославия запомнилась всем нам, когда по новостям каждый день сообщали об американских бомбардировках. Ночной Белград вспыхивал огнями смерти, а в небе кружили железные птицы американцев. В Ираке США тренировали свои войска, пичкая свою пехоту новыми военными штучками, насаждали там свою «демократию». Во время «холодной войны» США на полном серьезе разрабатывала планы по нанесению по территории Советского союза ядерных ударов. А сейчас они изобрели психооружие, и противником номер один стала – Россия, окрепшая после кризиса 90-х, которая и стала очередным полигоном испытаний. Это бы произошло и раньше, но паритет в стратегических вооружениях не давал полномочий американцам на такие действия.

Я стою, смотрю на восток, там начинает загораться странный огненно-оранжевый свет, кажется, словно это солнце размазалось по небу, увеличилось неимоверно в размерах. Телеграфные столбы, фонари и пустынная трасса растворяются в этом сиянии. Жду, когда дойдет до меня эта смертоносная волна. Я на окраине города, около лесочка, сижу на поваленной сосне. Свет разливается по горизонту. Сердце бьется сильнее. Зрачки сужаются. Боль в глазах от яркой вспышки.

«Скоро все закончится, – думаю я, – Второй волны я уже наверняка не переживу». Эта психоатака еще более мощная, голова начинает раскалываться, словно в ней что-то взрывается. Перед глазами светлое пятно. Бессильно падаю на жухлую хвою. Сильный запах сосны приятен, напоминает мне о чем-то далеком и прошлом, чего я уже не могу вспомнить сейчас. Едва уловимый ветер что-то шепчет мне на ухо голосами умерших людей. Крики отчаяния, боли, возмущения и страха ощущается в их голосах. Это те, которые еще час назад были живы. Мысли шебуршатся в голове. Тело не слушается. Я бессильно лежу, смотрю в небо, в котором еще полыхают неприродные огни. Боль постепенно утихает. «Неужели это все?!» – думаю я, сознание опять проясняется.

«Жив! Жив!» – радостно бьется в висках мысль. Поднимаюсь, ощущая в теле слабость. Колени дрожат, словно я работал целый день без отдыха. Из ушей и носа течет теплая кровь.

А где-то вдалеке уже слышен усиливающийся шум моторов. Это ехали американские военные на джипах, танках и грузовиках. Без единого выстрела они покоряли Россию. «Не бывать тому!» – в отчаянии кричу я. Что могу я сделать один, против хорошо вооруженной армии агрессора. Ответ – ничего. А как же наш принцип: «Кто на нас с мечом пойдет, то от меча и погибнет...»? Бегу прочь от плотного соснового леса к шоссе, навстречу армии США. Пусть знают, что не всех они уничтожили. Еще есть хозяева этой северной огромной страны.

Американцы, похоже, заметили меня. Главный из них что-то говорит остальным, жестикулирует. Удивление читается на лицах врагов. После такого ада здесь не выжить никому. Но я жив, назло им...

Еще одна вспышка, на этот раз из дула автомата американского солдата...

(2007).

Огонь в глазах

«причем в глазах его мелькнул
явный... огонь»

(«*Мастер и Маргарита*», *Булгаков*)

Она мне говорит, что в моих глазах не видно огонька любви. В них виден только холод, равнодушие. Когда я слышу такие упреки, то подношу зажигалку к своим глазам и спрашиваю ее.

– Теперь видишь в моих глазах огонь?!

– Теперь вижу, – устало отмахивается от меня она, смеется.

И опять напряженное молчание.

– Ну, скажи хоть что-нибудь. Не молчи! – говорит она мне. Но мне нечего сказать, я вижу, как глаза моей любимой утопают во лжи. Достāju газету, смотрю телепрограмму на этот день.

– Что-то интересное есть? – спрашивает она меня.

– Да, нет ничего. Только затертые сериалы, комедии и ток-шоу «Дом-2».

Я встаю, задвигаю табуретку под стол. Убираю за собой тарелку, хлеб и молча, ухожу в спальню. Она остается на кухне, что-то говорит мне напоследок. Я уже не слышу, что именно она говорит.

В спальне царит сумрак. Уютная темнота укутала меня лежащего на диване, а я думаю о жизни. Так продолжаться больше не должно, нужно что-то менять. Вспоминаю о Лизе, какой она была раньше. Что изменилось за это время? Потом вспоминаю еще более отдаленное время.

– Ты спишь? – неожиданно прерывает мои воспоминания она.

– Нет, просто лежу.

Она садится рядом со мной, смотрит на меня. Я глажу ее руку, лицо.

– Где ты была вчера вечером? – пытаюсь добиться от нее хотя бы правды.

– У подруги, – почти машинально отвечает она, словно выучила этот ответ.

Я отпускаю ее руку. Поворачиваюсь на бок. Перед глазами опять, та видеозапись с ней. И как у нее поворачивается язык сказать, что она была у подруги. Сердце опять начинает биться сильнее.

– Мы разводимся, – коротко отрезаю я.

– Да из-за чего ты так поднялся?! В чем дело? – наигранно возмущается она.

– Хорошо, я объясню, – я сел на диван, убрал ее руку с плеча. Достал видеокассету, включил телевизор.

– Смотри, надеюсь, это поможет ответить на твои вопросы, – уже со злостью прошептал я. Обида подступила с новой силой. Я ведь так ее любил, а что сделала она. Цветы, подарки, любовь, – все пошло в помойную корзину. Теперь она молчала, смотрела на экран телевизора, главной героиней там была она.

– Откуда эта кассета? – невольно срывается вопрос с ее уст. Краска заливает ее лицо.

– Это передал мне охранник, все, что было записано на скрытой камере. Теперь ты понимаешь, почему мы разводимся? – гробовым голосом начал опять я. И хотя внутри я был в негодовании, внешнее опять сохранял спокойствие и даже равнодушие. Устало, зевнув, я подошел к окну. За окном начался дождь. Осень перешла в наступление, уже безвозвратно прогнала лето.

Она плакала тихо и беззвучно. Я стоял у окна и молчал. Смеркалось, а в комнате стало совсем темно, однако никто не собирался включать свет. Еще некоторое время, подумав о видеопленке, я вдруг понял, что могу все изменить. Это моя жизнь, мои чувства, поэтому все

еще впереди. И часто действия других людей, их ошибки, дают мне преимущества, свободу действий.

Звуки на видеозаписи стали откровенными. Стоны любви вызвали во мне новую волну взрыва ревности и злости. Щелкнув по кнопке пульта, я отключил телик.

Быстро подошедши к шкафу, я стал собирать свои вещи, упаковывал их в сумку.

– Ты что делаешь? – сквозь слезы спросила она меня.

Мне ее не было жалко сейчас, если бы она хотела той прошлой жизни, то наверняка бы не делала бы того, что сделала.

– Ухожу, разве не видно, – ответил я, без всякого желания продолжать этот разговор. Я не хотел, чтобы она начала меня сейчас умолять, просить прощения. Все это было опять частью ее большой игры, театра, в который она играла изо дня в день.

– Не надо, пожалуйста. Прости меня дорогой! – шепчет она мне.

– Нет, – мой ответ краток и лишен эмоций.

– Ну, куда же ты? Давай поговорим, я тебе объясню. Это так получилось. Ситуация такая... Понимаешь.

– Не понимаю, – отрезал я и потащил сумку в коридор. Сумка получилась довольно тяжелой, хотя меня нельзя было назвать тряпичником, который коллекционирует вещи. В коридоре уютно горела лампочка в красивой люстре. Шикарные обои горят золотом и серебром. Еще пару недель я вместе с ней клеил эти обои.

Я быстро накинул черный плащ, надел шляпу.

– Все давай пока, удачи тебе в новой жизни, – пожелал я ей напоследок.

Она женщина-кошка. Ее не изменить, поэтому мне не по пути с ней.

– Подожди, пожалуйста. Этот случай недоразумение...

Она прижалась ко мне, плакала в плечо. Жалость шевельнулась у меня в сердце. И еще одно чувство. Убитая любовь. Но нельзя поддаваться этому, иначе все пойдет опять по-старому. Нужно что-то менять в этой жизни.

– Ну, все давай удачи, – теряя внутреннее спокойствие, прошептал я, с силой закрыл дверь за собой. Перед глазами ее заплаканное лицо. В коридоре лампочка ярко горела. От соседей доносились голоса людей, играла музыка. «Справляют день рождение» – вспомнил я. Еще пара минут, и я на улице, шагал под осенним дождем. Огонь вновь зажжется в моих глазах, когда в сердце родится новая любовь. А она родится...

(2007).

Ёлки-палки

...Это сказка про елочку, которая росла в лесу. Она была маленькая, росла среди больших пушисто-зеленых елей-родителей, и очень мало получала света, защищенная от холодных зимних ветров и летнего дуновения. Печальная в сумраке дня и ночи, она только слушала взрослые разговоры других деревьев. И когда елочка поднимала свою головку вверх, то видела над собой разлапистые верхушки елей, видела темное звездное небо или наоборот синеву дня.

Взрослые ей говорили, что когда-то она вырастет и станет такой же большой и высокой, будет ощущать на себе дыхание ветра, будет томиться под немилосердным летним солнцем, будет мечтать о дожде, о влаге. А еще взрослые ели говорили ей, что любят ее, очень хотят, что бы она всегда была такой же красивой и сочно-зеленой.

Но, однажды настал тот ужасный день, которого боится каждая ель в канун Рождества и нового года. Стук топора, визг бензопил и стоны, уханья подкошенных деревьев вызывали страх в лесу. Вечнозеленые деревья боялись шелохнуться, смотрели, как у них на глазах убивали тех, с которыми они простояли много лет, с которыми росли от земли до неба, с которыми встречали теплые весны, с которыми мокли под дождем, ежились от холодов и замирали под жарким солнцем. Дровосеки шутили, смеялись, курили, а иногда и матерились, когда какая-нибудь упрямая ель не хотела падать в сугроб.

Ёлочка, обомлевшая от ужаса, стояла и тоже смотрела в сумрак леса. Видела устрашающие энергичные темные силуэты людей, видела, как они убивали деревья. Взрослые ели иногда говорили ей об этом. В зимнее время года, сюда приходят люди, которые рубят жизнь в лесу и уносят далеко, далеко отсюда, потом наряжают умирающие деревца и справляют с весельем праздники зимы. От одной только этой мысли, что ее ждет то же самое, маленькой елочке становилось страшно. Слезы смолы текли по ее стволу. Но ничего предпринять никто не мог, оставалось только ждать и смотреть, как валят перед тобой друзей, близких...

И вот однажды такой ужасный день настал и для маленькой елочки. Высокий мужчина с бородой в вязаной шапке и телогрейке, проложил к ней лыжную дорожку.

– Смотрите мужики, вот еще одна хорошая елочка. Может, спилим ее? – предложил он остальным.

– Да, хорошая елочка. Пушистая... Давай, Витька, тащи бензопилу.

Ёлочка замерла от страха. А соседние взрослые ели молчали, уже лили свои смоляные слезы, смотрели, как обступили кругом люди маленькую елочку.

Мужик со второго раза, завел свою машину. Рев бензопилы оглушил ее, в воздухе опять запахло свежей древесиной и смолой. И страшная боль, боль пронзила маленькую елочку. В какой-то миг она потеряла единство с землей, просто бессильно повалилась на бок, обливаясь от страха и боли смолой.

– Ну, все поехали в город, на сегодня хватит, – сообщил главный остальным лесорубам.

Лес с ее родными высокими елями отдалялся от нее. Снег печально падал на землю, шептал что-то об этом мире. Еще сотня, наверно, умирающих елей была с маленькой елочкой в грузовике. Все деревья плакали, но ничего не могли изменить.

На следующий день она стояла на морозе, прислоненная к дому на улице большого города. Множество прохожих ходили по дороге, проходили мимо, подходили к дровосеку с бородой, покупали ее сестренку и братьев. А потом пришел и ее черед. Какой-то маленький ребенок коснулся ее веточки своей рукой. А мама малыша уже покупала маленькую елочку.

– Все Мишенька, пойдем. Смотри, какая у нас будет красивая елочка... – старалась привлечь внимание ребенка мать.

А ребенок капризничал, грубо дергал елочку за ветки.

Потом в душной квартире людей, маленькая елочка стояла в углу. И она терялась в догадках, что с ней будут делать. Сил становилось все меньше и меньше, которые она раньше получала от матушки-земли.

Но потом женщина бережно поставила елочку в сосуд с водой, закрепила ее ствол. Холодная вода на какое-то время привела деревце в чувство. Она видела, как человек украшал ее многочисленными побрякушками, блестящими предметами.

«Что они со мной делают?» – думало дерево.

А потом она вспомнила старые рассказы деревьев-родителей в лесу, про праздник зимы, и все сразу стало ясно ей.

И вот ее звездный час настал. Украшенная гирляндами, дождем и игрушками она стояла высоко в углу комнаты, вспыхивала почти сказочными огнями. Находясь в центре внимания взрослых и детей, она даже улыбалась, забыв про страх и боль, которую испытывала еще несколько дней назад.

Но все длится не вечно. Праздники закончились, закончились смехи, крики и танцы людей. Музыка не играла больше, как раньше. В тишине и в сумраке угла дома, простояла маленькая елочка больше двух месяцев. И в один из дней, хозяйка дома, что наряжала ее, начала снимать с нее цветные шары, гирлянды.

– Пусть елочка еще постоит, – просил свою маму ребенок.

– Нет, Миша, елочка итак уже стояла долго, тем более на улице уже весна, – отвечала ему мать.

И опять плакала маленькая елочка, ощущала, как теряет опять свои силы теперь без сосуда с водой. А вечером пришел отец ребенка и первым делом вынес ведро с мусором и елочку.

И теперь в большом мусорном баке валялась маленькая елочка с полубломированными ветками. Тусклая, ненаряженная она лежала на куче вонючего мусора, уже мертвая. Над головой было синее весеннее небо, зима для елочки закончилась. Когда-то она была елкой, а теперь это просто безжизненная палка...

(2008).

Югославия

Звуки сирены воздушной тревоги зазвучали тревожно в плотном тумане и дыме, окутавшем руины города в этот утренний час. Запах гари висел в воздухе, всю ночь и сейчас не ослабевал. Где-то там, в небе, выше этой белесой пелены влаги начинали опять носиться со свистом реактивные самолеты. Наверное, скоро начнется бомбежка. И от этого детям, забившимся в углу полуразрушенного здания, становилось страшно. Аля судорожно начала плакать в объятиях старшего брата, а мальчишка с сумрачным лицом смотрел в молочный туман. Где-то в этом сокрытом от их глаз пространстве горели руины их города. Языки пламени лизали разрушенные здания, расплавляли снег, и в воронках от бомб, валялись раскрошенные кирпичи и трупы людей.

И вот земля опять сотряслась где-то на окраине города, отдалась тяжелым стоном, который уловили испуганные дети. Самолеты опять бомбили город, как вчера ночью. Мальчик вспомнил, что было вчера и от этого стало жутко на душе. Тогда так же тревожно непрестанно гудела сирена, ночной город замер, ожидая первые бомбовые удары врага. Истребители пронесли со страшным шумом над домами, улицами Белграда. А потом первые бомбы разнесли казармы, военные объекты. Там все вспыхнуло в огне, нефтяные хранилища начали разрываться с невероятной силой.

А они прячутся здесь в старом заброшенном предприятии. Здесь его мать, сестра и он. Где-то в отдалении, по стенке завода расположилась еще пара рабочих югославских семей. Кто-то молится, кто-то плачет, кто-то просто смотрит в ночное небо, где мелькают огни, вылетающие из сопел истребителей. Крылатые ракеты разрушали постройки города. В белом свете на глазах исчезали целые постройки. А потом, в какой-то момент страшный свет ослепил и их всех прячущихся здесь на предприятие, которое страшно затрещало под взрывной силой крылатой ракеты. Бетонные опорные конструкции, потолок вмиг обрушились на людей. И крики, стоны умирающих совсем не были слышны в этом бомбежном аду. Мальчик страшно испугался, сестренка, что сидела в бок о бок с ним, инстинктивно дернулась куда-то к уцелевшей стене предприятия.

– Мама, мама! – кричала девочка, но кругом была только тьма и тонны пыли витали в воздухе. А потом когда немного пелена рассеялась, при свете разгорающихся пожаров руин предприятия, Влад увидел умирающую мать в окровавленной серой одежде, как-то бессмысленно и нелепо корчащуюся на раскрошенных кирпичах предприятия. Ее губы что-то едва шепчут, а глаза стали какими-то мутными и чужими. Ее тело подергивается неестественно судорожно. Мальчик пристально всматривается в мать, пытается осознать, что сейчас произошло очень страшное и непоправимое, что он уже никогда не забудет, что не будет давать ему покоя потом в кошмарных снах. Мать умерла после непродолжительной предсмертной агонии. Пыльное лицо женщины, казалось, еще больше посерело, волосы безжизненно трепыхались от ночного ветра. Сухие потрескавшиеся губы перестали шевелиться. Как во сне, он с сестренкой прильнул к мертвой матери, плакали навзрыд, осознавая реальность, так внезапно вторгшуюся в их детскую жизнь. Слезы мешали им весь видеть земной ад, окружающий их кругом, разглядеть фрагменты тел, разбросанные вместе с обломками бетона и кирпича. А огонь все больше охватывал деревянные и горючие материалы, разбросанные в этих руинах.

Американцы бомбили Белград в ночи еще до утра. А потом наступила благодатная тишина, но в ушах еще звенело, гудело от ночной бомбежки. Дети дрожали от страха, сидели, прижавшись к уцелевшей кирпичной стенке. Сон не шел, хотя покрасневшие веки Али и Владимира временами смыкались от невероятной усталости и пережитого шока. Но нет, утренняя бомбежка не продолжилась долго, одиночный взрыв уже затерялся в звенящей пустоте обреченного города. И мальчику сейчас казалось, что если бы отец сейчас был бы рядом с ними,

то ничего бы этого не произошло. Истребители бы не бомбили город, мама не валялась бы мертвая на кирпичах, не было бы всей этой бессмысленной войны взрослых. Но отец тоже был на этой войне, он уже больше месяца не появлялся дома, и мать говорила, что он отдает долг родине. А еще она говорила детям, что русские им помогут, потому что они нам как братья, и не допустят, чтобы натовцы вторглись в страну. Югославия будет в союзе с Россией. Но всего этого не случилось. Русские так и не смогли помочь. Отец больше не вернулся домой, наверное, где-то погиб на поле брани в этой войне. И сейчас смерть настигла их мать, оставив двоих сирот одних испуганно дрожать от звуков разрывающихся бомб. И американские самолеты летали в славянском небе, безнаказанно бомбили город...

А в далекой Америке, сидя на диване, американец пил пиво, хрустел чипсами и смотрел очередной выпуск новостей. Диктор с какой-то радостью и гордостью сообщал, что союзные силы начали военную операцию в Югославии. На экране телевизора показывали авианосцы союзников, ночной Белград, летающие в ночном небе американские самолеты и бомбовые удары, разрушающие город неумолимо и быстро, превращая его в руины. «Вся Америка понимает всю ответственность, которая возложена на нее в этой военной компании, и доведет ее до конца. Америка испытывает гордость за тех, кто отстаивает национальные интересы США на Балканах, кто будет проводить миротворческую операцию в самое ближайшее время», – говорила женщина с экрана...

(2008).

Билет на родину

Перрон был пуст. Теплое июньское солнышко нагревало асфальтные платформы, рельсы и шпалы, пропахшие смолой. Солдатик в немного помятой форме постоял на перроне, а затем зашагал в сторону маленького вокзальчика, который, казалось, светился под лучами светила. Настроение у него было таким же солнечным как и этот день. «Домой», – мелькала мысль радостная в голове. А дома уже, наверняка, мама, невеста заждались. Дембель пришел незаметно для него. Три года пролетели чередой серых однообразных солдатских дней, два года по призыву и последний год по контракту в Чечне. Все позади, нелегкий этап в его жизни остался позади. А впереди солдату уже виделась широкая солнечная дорога в жизнь. Он с улыбкой всматривался в золотистую даль, где сверкал очень далекий солнечный зайчик, отраженный в окнах, какой-то одинокой постройкой.

Затем Роман присел на деревянную скамейку, что стояла перед оранжевой вокзальной постройкой. Солнце почти сразу стало нагревать форму, чищенные черные сапоги солдата. Рядом с ним сел какой-то старичок с густыми белыми бровями и бородой как у Мазая.

– Домой, после армии? – хитровато шурясь, спросил у Ромки дед. Один глаз казался чуть меньше другого, от такого выражения старого человека.

– Да, домой, – солдат отметив про себя, что улавливает в своем голосе нотки скрытой радости.

– А кто дома тебя ждет? – по-доброму заулыбался старик.

– Мама и невеста, – с охотой ответил молодой человек, представляя в своем сознание минуту встречи с этими близкими людьми.

– Ась, невеста? – переспросил слегка глуховатый старик.

– Ну, да невеста. Если вы заметили, то я уже взрослый, вот и ждет меня дома невеста... – с улыбкой говорил Роман.

– Молодец, все будет хорошо. Приедешь домой крепко расцелуй своих близких, – советовал старик, и сам улыбался, похоже, он что-то вспомнил из своей жизни похожее. Возможно, что лет пятьдесят назад, такой же двадцатилетний парнишка в помятой военной форме ждал поезда, мечтал скорей приехать домой.

– Хорошо, – соглашался солдат.

– А я вот сына своего так и не дождался. В Афгане погиб, похоронку прислали, а я так надеялся, еще года два ждал после этого, думал, что однажды увижу его. Часто, часто видел его в свои снах, видел маленьким карапузом, – старик говорил с чувством, его усы и борода шевелились от сильных мимических усилий лица. Продольная глубокая морщина, как трещина прошла по лбу старого человека.

Роман понимающе закивал головой. Солнце уже невыносимо жгло его волосы и сапоги, но уходить в тень он не хотел. Старику нужна была в эту минуту поддержка, это можно было понять по блеску в старческих глазах, он нуждался в сыне. Сын был его надеждой, гордостью, в котором он видел продолжение самого себя. Но война, унесла его жизнь безвозвратно. Ромка вдруг вспомнил про своих друзей, которых он потерял в Чечне. Они ушли навсегда и их не вернуть. Каждому поколению выпало по войне: Великая отечественная война дедам и прадедам, Афганистан – отцам и две компании в Чечне – нам молодым. И те, кто прошли этой тяжелой тропой войны, всегда будут помнить тех, кто не дошел до конца, они будут жить в их сердцах.

Сонный голос вокзального диктора предупредил о том, что по второму пути пройдет товарный состав поезда. И через пару минут мимо вокзальчика, сияющего под солнцем уже мчался тепловоз с длинным составом вагонов. Грохот и скрежет прервал разговор двух людей, и они просто сидели на лавочке и смотрели, как вагоны с соляжкой уносятся куда-то в солнечную даль, туда, где еще до разговора со стариком Ромке чудилась широкая солнечная дорога.

Разомлевшая природа притихла под июньским кубанским солнцем. Она тоже слушала, как стучат колеса поезда. И только тутовое дерево, что стояло рядом со станцией, шумело листьями песню о жарком лете в кубанской станице, говорило о степных просторах, где гуляет свободный ветер, колышет иссушенную траву.

– А вы, какой поезд ожидаете? – спросил Ромку старик, когда шум длинного товарного состава затерялся в звенящей тишине полуденной жары.

– Я на «Адлер-Новосибирск» сажусь, через пятнадцать минут подъезжает поезд. А вы тоже на нем едете? – осторожно спросил молодой человек, заглядывая в лицо старику. Густые космы волос скрывали от Ромки выражение лица старого человека, он только видел, как белые брови на фоне бронзового лица шевелились, и губы что-то шептали себе под нос.

– Нет, я сынок никуда не еду. Просто у меня такой обычай сидеть здесь на станции в полуденное время дня...

Больше старик ничего не мог вымолвить, только кряхтел время от времени.

Роман кивнул головой в знак согласия. Лезть в душу этому старому человеку он не хотел, если тот сочтет нужным, то заговорит, если нет, то он просто пожмет ему напоследок руку, когда поезд его будет подходить к станции. Так и случилось. Последнее что запомнилось Ромке, это теплое рукопожатие. Он ощущал тяжелую мозолистую руку старика в своей руке.

– Береги себя! – шептал старик ему.

– Хорошо, батя. Будет сделано, – улыбался Ромка белоснежной улыбкой на загорелом лице. Он действительно постарается все делать правильно в своей жизни, он научился ценить слово жизнь. И через минуту солдатик в запыленной форме уже вскакивал на подножку уходящего поезда «Адлер-Новосибирск». И даже когда за окном замелькали великолепные пейзажи кубанских полей, молодой человек думал о том одиноком старике, который сидел на лавочке станции.

О своем приезде Роман не сообщил в последнем письме, так как его отпустили на два месяца раньше, поэтому он просто летел, как на крыльях домой, хотел удивить родных и близких сердцу людей.

Родной дом выглядел осиротевшим и запущенным. Возможно, что он просто отвык от него, смотрел на него сейчас глазами гостя, придирчиво и взыскательно. Калитка покосилась и очень плохо открывалась. «Трудно, наверное, было маме все эти три года без него», – переживать уже, было, начал демобилизованный. Старый тополь казался еще больше, чем раньше. Сердце билось учащенно, словно пыталось вырваться из груди. Горло сжалось от нахлынувших чувств. Роман торопился пройти старый сад, который цвел, как и в детстве. Аромат сирени висел в воздухе. Полной грудью, вобрав воздух, молодой человек спешил увидеть свою мать. Сюрпризом лета хотел стать для нее, явившись перед ней возмужавшим, в военной форме, в чищенных сапогах, с двумя медалями на груди. Как давно он ее не видел, как хочет прижать к себе самого близкого человека.

Роман дернул за медную ручку двери. Закрыто, а потом и вовсе заметил, что заколочена она досками. «Что же это такое? Почему закрыто?» – невольно в голову полезли страшные мысли. Ноги уже сами несут его к соседям. Постаревшая баба Нюра и дед Егор встретили его радушно, как своего сына.

– Ох, какой же ты большой и сильный стал Ромка, – гладил его по голове дед Егор.

А он в ответ только улыбался немного смущенно и в тоже время рассеянно.

– А где мама моя и невеста – Лиза не знаете? Переехали что ли? – начал допытываться он у соседей.

Наступила непродолжительная пауза в разговоре.

«Матушка твоя, не дождалась тебя, Ромочка, – вдруг реветь начала баба Нюра, кинулась на шею молодому человеку. – Она всегда рассказывала мне о тебе, даже иногда зачитывала твои письма. Умерла она, умерла миленький мой, на нашем деревенском кладбище похоронили ее на прошлой неделе!»

Ромка стоял, как деревянный ничего не мог понять, как оглушенный, тупо и бесцельно смотрел в пустоту. Горячие слезы сами текли по загорелым щекам молодого ветерана. Вся жизнь вмиг пронеслась, перед его глазами как пестрая картинка, на каждой из которых он видел добрую и улыбающуюся свою маму. Горе захлестнуло его неожиданно и резко, пестрая искрящаяся жизнь в тот же миг потухла, как перегоревшая пыльная лампочка.

– А Лиза? – едва выдавил из себя молодой человек.

И опять тревожное непродолжительное молчание.

– Ушла она к другому парню, еще год назад. Об этом хотела тебе написать еще мать, но все никак не решалась, хотела сказать тебе об этом при твоём приезде.

Еще одна струна души лопнула у Ромки. Он чувствовал себя совершенно потерянным в этом огромном мире, где не было никакой широкой солнечной дороги в будущее. Было лишь светлое пятно прошлого, темное настоящее и больше ничего. Боль души жгла его изнутри, не давала ему дышать.

– Садись Ромочка. Егор дай табуретку, – скомандовала баба Нюра своему деду.

И солдат сел машинально на стул. Соседи ему что-то говорили, баба Нюра начала готовить чай, все время поглаживала молодого человека по голове, когда проходила мимо. Но потом она почему-то принесла в стакане не чай, а теплое парное молоко. Видимо, сама разволновалась от приезда Романа. А он, сгорбившись, сидел на табуретке, смотрел на побеленную русскую печку. Слезы текли по щекам солдата. Все эти три года мечтавший о доме, теперь он был абсолютно одинок, здесь на родине. На столе лежал уже использованный билет на родину...

(2008).

Победитель 65-летней давности «Миру мир»

Наступление началось рано утром. Включив ослепительные прожектора, техника и пехота двинулась вперед. Вот и первые защитные сооружения немцев. Разгорелась ожесточенная перестрелка между русскими и фашистами. Однако это продолжалось недолго; массированная атака советских танков сломила оборону и прорвалась уже куда-то вперед. За ними бежали пулеметчики, ориентируясь на движение прожекторов. И вот уже видны в предутренней темноте пожарища города Берлин. Это поработали летчики, захватили господство в небе, они кружились над городом, бомбили все, что сопротивлялось.

В висках у солдат стучало только одно слово: «Победа». На душе было ощущение грядущей радости, которую дополняло еще эта теплая весенняя предрассветная пора. Это чувствовали все: и пехотинцы, и артиллеристы, и летчики, и танкисты. Для Петра это тоже было необычное утро. Полный самоотдачи и уверенности в победе он сидел на танке с пулеметом.

В темноте, слышны были рокот моторов бомбардировщиков, автоматные очереди, глухие и мощные выстрелы танков, шум передвигающейся военной техники. Смешавшиеся запахи пороха и сирени, почему-то будоражили сознание Петра. Казалось, этот горящий впереди город, был финишем, концом этой длинной и трудной войны, за которой потом должно было начаться светлое будущее. Оно представлялось ему тремя дорогими буквами – М И Р.

Начался артиллерийский обстрел второго рубежа немецких укреплений. «Катюши» начали свою атаку, и в небе замелькали огненные полосы снарядов, которые немилосердно обрушивались на врага. Советские танки остановились, стали ждать, окончания артиллерийской атаки. Казалось, это само небо обрушивает на этот город свой гнев. Глухие раскаты заставляли сотрясаться землю. И когда небо опять потемнело, на какой-то момент наступила почти полная благодатная тишина. А потом танки опять рванули вперед. Голоса множества людей, радостно подхвативших призывы своих полевых командиров: «Ура! Вперед!», смешались с рокотом танков. Здесь были и русские, и украинцы, и белорусы, и казахи, и якуты, и чеченцы, и грузины. Все они бежали вперед, уставшие и изнеможенные, с грязными и небритыми лицами, но с радостью в глазах, готовые отдать свои жизни за свою общую, огромную и необъятную Родину – СССР. Сердца их горели надеждой в будущее, в великую победу. Они жаждали мира в мире, хотели строить мечту своего будущего. И сейчас, эти солдаты совершенно не думали о том, доживут ли они до победы, просто хотели всем своим сознанием победить.

Берлин становился все ближе и ближе. Уже отчетливо можно разглядеть контуры некоторых крупных построек. Это тот самый город, до которого мечтал дойти каждый солдат в этой войне. Но чтобы до него дойти нужно прорвать еще две линии обороны. Ожесточенный огонь начал косить советских ребят. Небольшое замешательство, но нельзя останавливаться, нужно двигаться вперед, к победе. И танки, и пехота рвутся вперед.

Яркий свет и боль испытал в какой-то момент Петр. Медленно, как во сне, он повалился навзничь, упал на мокрую прохладную траву. Солдат даже не понял вначале, что произошло. Острое жжение в груди, заставило его прижать к месту ранения руку. На ладони он увидел кровь. Липкая и темная она текла, как вода. Затем солдат посмотрел в небо. Звуки войны не были слышны, только телом он еще ощущал, как стонет земля. Наступила тишина, и в высоте молчало светлеющее европейское небо. Рядом с ним пробежали солдаты в таких же грязных гимнастерках, бежали для того чтобы пасть под неприятельскими пулями, но дать шанс на победу другим солдатам, бегущими за их спинами.

В глазах то темнело, то опять светлело. А потом он увидел красивое женское лицо с русыми волосами, склоненное над собой. Это была санитарка. Петр ей что-то шептал, все порывался достать из-за пазухи письмо, написанное родным.

«Передай», – наконец собрав все свои силы, выдохнул он единственное слово. Дрожащая рука держала пожелтевший конверт.

«Хорошо, братишка. Передам! Не бойся, я тебя не брошу здесь, будешь ты еще жить! Еще увидишь своих родных», – заверяла Петра смелая женщина, между тем, не забывая перебинтовать рану солдату. Мужчина в ответ ей едва улыбнулся. На душе было сейчас легко и хорошо, как никогда. Он видел как русские танки и пехота уже прорвали вторую оборону Берлина, а небесные птицы с родной красной звездой на крылышках, летали над дымящимися руинами немецкой столицы. «Победят! А это самое главное!» – уже с полной уверенностью думал раненный советский солдат, а сознание уже теряло нить связи с реальностью, уходило куда-то в темноту без тени страха и боли. Мужчина не боялся смерти в этот момент. Он был готов сделать шаг туда, откуда нет возврата. Но жизнь улыбалась ему и в этот раз и как на протяжении всей этой многолетней войны. Ему суждено было жить, так распорядилась судьба.

Как сквозь сон Петр помнил, как эта санитарка тащила его с особым упорством и отчаянием до полевого госпиталя. Он видел, как трудно ей было такой хрупкой и маленькой, волочить за собой грузного солдата со смертельной раной на груди. И опять мужчина терял контроль над собой. Темнота окутывала его сознание. А когда он очнулся, то увидел над собой небо чистое без облаков. Видел также Петр врачей с суровыми лицами, которые делали свою работу, как только могли, прямо здесь под открытым небом. И еще в конце перед тем, как опять впасть в беспамятство, солдат опять видел лицо той санитарки с русыми волосами. Она улыбалась ему и говорила: «Я передала письмо родным, написала, что ты жив и вернешься домой».

А над рейхстагом уже развевался алый флаг. Силуэты русских мелькали уже в городе. На танках ехали советские солдаты и раздавали мирным горожанам Берлина хлеб, переламывая его об колено, словно войны против немцев не было. Для них была война против фашистов, которые не имеют определенной национальности.

Все это было так давно, но в памяти Петра это навсегда осталось в голове, та битва. Как сейчас он мог представить себе все то, что с ним произошло много лет назад. Старик сидел на скамеечке, разомлев под солнцем. Звуки парада еще звучали в ушах старого человека, которые перемешивались с журчанием воды в фонтане, около которого было достаточно много народу. В этот майский день желающих насладиться прекрасным днем было много, да и был повод. День победы, еще жил в сердцах народа-победителя. Маленький ребенок кормил, хлебными крошками голубей, держась за руку свою мамы, в другой руке у мальчика был красный флажок, с серпиком и молотом. Птицы ворковали, бегали по тротуару, подбирали съестные подарки от дитя. Молодые парочки влюбленных гуляли за ручку, привлекая к себе остальных иногда звонким смехом и громким разговором. Мальчишки-школьники катались на велосипедах, их путь непременно проходил по уже подсохшим лужицам на асфальте, после вчерашнего дождя. Глядя на всех окружающих его людей, Петр чувствовал себя опять молодым. Ветеран ощущал себя счастливым, сидя под этими лучами солнца. Эта победа была совершена не зря! Он, как и миллионы его товарищей по оружию, как и каждый гражданин Советского Союза, сделал свой вклад, чтобы победить, чтобы дать независимое будущее последующим поколениям, избавил от угрозы истребления нации с многовековой историей.

И почему же сейчас, эта победа, отдаляясь от нас по времени, становится лишь пожелтевшей страничкой истории, слезами старенькой вдовы, воспоминаниями ветеранов. Эта победа действительно была! И победили в этой войне большей частью не американцы, не французы,

и не англичане. Основной удар от фашистов приняли на себя именно советские люди, которые бесстрашно обороняли свою страну, освободили всю Восточную Европу, от угрозы фашизма, отстояли свое право на жизнь, мир. А восточная Европа отгораживается от тех, кто когда-то освободил их, от тех с кем еще тридцать лет назад были в союзе, от тех, кого тоже зовут славяне...

(2008).

Пепел души: Осень любви

...Холодный ветер подул тебе в лицо, но ты не ежился, не кутался под дыханием поздней осени, в отличие от других прохожих. Куртка расстегнута, воротник опущен, глаза устремлены к небу. Оттуда срываються осенние капли дождя, пропитывающие землю влагой, от которой дороги превращались в грязь и лужи непомерно увеличивались в размерах. Голые деревья тянут свои черные ветки, как руки, к небу, замерли в ожидании чего-то. Чего они ждут? Может новой весны? Солнца? Именно этого же хотел и ты сейчас. Последний листочек, медленно кружась, опустился к уже мертвым серым собратьям на земле. Эти листья уже никогда не будут зеленеть под солнцем, уже никогда не будут трепетать под дуновением майского ветра, уже не увидят новой весны.

Вспоминается прошлогодняя осень. Она была совсем не такой как сейчас. Да, природа тоже угасала, шли дожди, мерзкий холод пробирал до костей, но у тебя в душе была тогда весна. И чувства к той тогда еще незнакомой девушке были живы, рождались от каждого взгляда на нее. Жаль, что сейчас в сердце настала осень любви. Думаешь о том, что когда горела любовь, о том, что было и о том во что это сейчас превратилось. Заглядывая в свою душу, понимаешь, там только холод, и серый дождь. Беспросветный дождь, и листья уже не падают с деревьев. Только вороны громко каркают, сидя на голых черных ветках, глядя в небо.

Почти с уверенностью ты можешь сказать, что сейчас из сердца изглажены навсегда: старые надежды, желания, пустые терзания, осталось только холодная трезвость ума. Весенняя иллюзия рассеялась, перегорела жарким летом, превратившись в сырую осень, сгорающая умирающими листьями. И сейчас ты смотрел на нее, а она на тебя, молча. Эта была последняя встреча в облысевшей роще, где в вышине только гулял ветер, а деревья смотрели на двух молчаливых людей. Девушка смотрит в твои серые глаза, пытаясь найти ответ там, на причины этого неудачного романа. Но у тебя нет ответов. Просто наступила осень, дождливая, сырая, постепенно превращающаяся в зиму.

– Ну что будем прощаться? – говоришь ты ей.

У нее слезы на глазах. Она тебя любила и любит сейчас.

– Это пройдет. Время лечит. Останемся просто друзьями, – утешение с твоих уст звучит неубедительно. Ты сам не веришь в эти слова.

– Не надо, не говори так, все можно вернуть, – сквозь слезы шепчет девушка.

В ответ молчание. В голове почему-то опять вспоминается весна, глубокое синее небо, чистый свежий воздух, который вдыхаешь с каким-то наслаждением и первые зеленые листья на деревьях. Может правда все можно вернуть? Этого ты не знаешь, а потому решаешь в пользу разрыва. Не стоит раздувать тлеющие угли под слоем толстого пепла. Ох, как не стоит.

– Нет, извини. Не могу я. Прощай, удачи в жизни и в любви. Найдешь себе парня лучше, на которого не будет находиться слов упреков, – мрачно, как приговор судья, выговариваешь ты эти слова. Ты видишь, как умирает мгновенно надежда в ее глазах, остается только немой упрек. Одинокая слеза стекает по девичьей щеке. Твоя рука стирает эту соленую капельку чувства. И последний поцелуй, немного неуклюжий, но от всей души.

– Все, давай пока... – И зашагал уверенно по тротуару. Аллея молчала, смотрела, на эту развязку двух людей. Мельком ты еще успел уловить ее последний взгляд, в который были вложены чувства, тоже погибающие в осени любви. Лучше сейчас, чем потом, нельзя допускать зимы в сердце, иначе не отогреть совсем там потом.

– Пока, – шептал ветер голосом девушки, чудилось тебе даже спустя десять минут. Оглянулся назад, на оставленную рощу. Там ее уже не было. Ветер порывами дергал деревья за голые ветки, как мальчишка дергает девчонку за косички, дул упрямо тебе в лицо. Но нет, крепился листочек еще один бурый на дереве, сопротивлялся ветру. Он думал, что сможет дожить

до новой весны, увидит теплый рассвет, мечтал, наверное, о пение птицы и о добродушном солнце, свет которого не будет пустым и жидким. Небеса безнадежно гудели от завывания ветра. Еще один сильный порыв, и жухлый листок подхвачен лавиной осеннего ветра. Полет его заворожил. Весь мир кружился где-то там внизу, а листочек летел. Жаль длилось это не долго, потом он опустился в большую лужу и медленно начал тонуть в темной воде, ты посмотрел на эту лужу. Парень в черной куртке с опущенным воротником без эмоций на лице, немного взъерошенный от ветра отражался в темной воде среди утонувших листьев, он смотрел на тебя, а ты на него...

Абонент был недоступен, каждый раз, когда она звонила тебе. Смс тоже не доходили, были без ответа. Ты поменял номер телефона, зная, что так будет надежнее. Старую симку выкинул в эту темную лужу около лысой рощи, еще вчера. Да, сейчас осень, но пройдет ее время и придет новая весна, от дыхания которой ты забудешь сразу про осень любви и опустошишь сторевшее сердце полнехонькое сейчас от пепла души, как поддувало печки...

(2008).

Она снилась ему во снах

...Да, он должен был сознаться для себя, что последнее время она довольно часто снилась ему во снах. И это было прекрасным мгновением, чудным ощущением не свершившейся любви. В таких снах, все вдруг становилось насыщенно цветным. Пестрые брызги света пронзали сознание радостью и новизной. Мелькал ее расплывчатый образ, который постепенно становился ясней и четче. Видел ее лицо, глаза, фигуру, слышал ее голос, обращал внимание на ее манеры, поведение. И сразу же хотелось удержать этот момент сна, где была она совсем рядом. Здесь в этих снах красивые глаза девушки смотрели на него искренно и доверчиво, в них видна радость при встрече с ним. Какой-то манящий огонек зажигался в глазах Полины. И от этого на его сердце становилось теплей и светлей. «Любит меня!», – радостно думалось Валентину, а рука уже сама тянулась к ее лицу. Хотелось погладить любимого человека по щеке, даже просто дотронуться до него и понять, что это не сон...

День 1-й.

Проснулся он неожиданно. Открыл глаза с неохотой, словно не хотел убеждаться в том, что все, что видел он до этого, был сон. Но, увы, это лишь сон! При свете ночника, ему удалось рассмотреть, что обе стрелки почти идеально смотрят вниз на циферблате часов. Значит, время было около шести. Уже утро, однако, глядя в мглистое окно, этого еще не определить. Какое-то время молодой человек просто смотрел в темный потолок комнаты, вслушивался в мелодичные звуки железного карниза окна. Там шел дождь, мутноватые капли текли по стеклу вниз, оставляя за собой след. Зевота подступила неожиданно, вызывая одновременно непроизвольные слезы на глазах человека. «Вставать или не вставать?» – задавался вопросом он, размышляя над тем, как мог бы еще сладко поспать. «Может, повезет, опять увижу ее», – надеялся парнишка, закрывая глаза. Хотя и разрыв уже произошел уже достаточно давно, он постоянно вспоминал о ней. Та последняя ссора была последней каплей в их отношениях. И сейчас молодой человек уже давно ее не видел наяву. Теперь она только снилась во снах, такая же красивая, непринужденная и солнечная, зажигала его сердце вновь и вновь. Во снах он вновь рассматривал ее лицо, видел утонченные черты профиля. Но все это было во снах...

За окном начал заниматься хмуроватый рассвет. Небо плакало еще ночью, но сейчас дождь усилился, вызывая у человека чувство легкой тоски, навеваемое погодой. Хотелось погрузиться в спячку до того времени, когда он увидит теплые и радостные лучи солнца. И вот одно представление такого прекрасного утра почему-то навевало дремоту. Только начало сознание окутываться сладкой пеленой сна, как будильник зазвенел звонко и внезапно разогнал весь утренний покой, все призрачные сны. «Черт, побери!» – заругался даже мысленно человек, досадуя на время, которое не может подождать нисколько. Ноги сползли с кровати на пол, руки сами уже сбрасывают одеяло с сонного съжившегося человека. «П-О-Д-Ь-Е-М!!!» – звучит приказ самому себе, и он встает.

Мысли уже перескакивают на работу. Его фирма большая, в ней трудятся более тысячи человек. Каждый занят определенной работой, работа с бумагами, работа за компьютерами, обслуживание клиентов – это все то, что приходится делать рядовому сотруднику конторы. Каждый день сменяются лица клиентов, каждый день новые контракты, новые заказы. Яркие ослепительные цепочки дневных ламп, чистые и сухие офисы, компьютеры с жидкокристаллическими мониторами, – вот что навевает ему воспоминания о его работе. И люди такие же сухие, холодные. «Начальник» – думает Валентин, одно воспоминание об этом человеком для парня превращалось в чувство, когда сыплют соль на рану. Этот мужчина в очках с грубоватой оправой, сверлящими глазами и черными подвижными усами мог заставить каждого сотрудника заставить работать эффективно, на все сто процентов. На какие меры начальник только

ни шел, только чтобы какой-нибудь ленивец перестал скучающе смотреть в окно, или болтать по телефону. Кого-то мог поставить в угол показательно для всего коллектива, а сам начинает нравоучительно рассказывать про корпоративную культуру. Столько смешков и юмора прозвучит в адрес провинившегося, только тому не до смеху. Красный от стыда, как малолетний ребенок стоит сотрудник и ждет, когда начальника «отпустит», когда у него, наконец, сменится настроение и тот посадит работника на свое рабочее место. От таких воспоминаний у Виталия даже по лицу скользнула легкая улыбка. Пару раз из-за таких мечтаний о Полине, его тоже наказывали. Только мечтательно посмотришь в окно, и вот уже начальник тут как тут. Поэтому на работе ему было не до любви. Там не приходилось вспоминать о девушке из сновидений. Мечты наталкивались на «суровую реальность» в образе начальника в роговых очках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.